

Юлия Вознесенская

Женский
Декамерон

Юлия Николаевна Вознесенская

Женский Декамерон

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=421242

Женский Декамерон: Томас; Москва; 2013

ISBN 978-5-91173-355-1, 978-5-4444-0949-7, 978-5-905889-17-2

Аннотация

Женский Декамерон – книга о том, как десять советских женщин, оказавшись в одной палате родильного дома, вдруг узнают, что в данном учреждении объявлен карантин и им придется провести в его стенах еще десять дней. Одной из них приходит в голову повторить историю, рассказанную флорентийским сочинителем Боккаччо: все десять дней карантина рассказывать друг дружке о жизни, о мужчинах, о любви, о ревности и изменах и о многом, многом другом, что волнует любую нормальную женщину. И вот за десять дней было рассказано сто разных историй...

Содержание

Женский Декамерон,	6
Предисловие автора,	7
День первый, глава первая,	12
История первая,	17
История вторая,	21
История третья,	31
История четвертая,	33
История пятая,	43
История шестая,	45
История седьмая,	49
История восьмая,	59
История девятая,	68
История десятая,	73
День второй, глава вторая,	78
История первая,	79
История вторая,	81
История третья,	84
История четвертая,	87
История пятая,	91
История шестая,	102
История седьмая,	108
История восьмая,	112
История девятая,	116

История десятая,	118
День третий, глава третья,	121
История первая,	122
История вторая,	124
История третья,	127
История четвертая,	130
История пятая,	135
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Юлия Вознесенская

Женский Декамерон

© ООО «Грифъ», оформление, 2013.

© ООО «Издательство «Лепта Книга», текст, 2013.

© Вознесенская Ю.Н., 2013.

Женский Декамерон,

или книга о том, как десять советских женщин, оказавшись в одной палате родильного дома, вдруг узнают, что в данном учреждении объявлен карантин и им придется провести в его стенах еще десять дней, что их, конечно, мало обрадовало. И тогда одной из них приходит в голову повторить историю, рассказанную или просто выдуманную неким флорентийским сочинителем Боккаччо, а именно: все десять дней карантина рассказывать друг дружке разные истории о жизни, о мужчинах, о любви, о ревности и изменах и о многом, многом другом, что волнует любую нормальную женщину, в том числе и советскую. И вот за десять дней было рассказано 100 РАЗНЫХ ИСТОРИЙ, краткое содержание которых вы узнаете из подзаголовков к ним, а если найдете время, то прочтете и сами истории.

Но прежде...

Предисловие автора,

написанное через 27 лет после выхода книги в свет

«ЖЕНСКИЙ ДЕКАМЕРОН» вышел 27 лет тому назад в германском издательстве РОЙТМАН-ФЕРЛАГ на немецком языке. Почему не на русском? Да потому, что книга эта и написана была для западного читателя, а не для русского (тогда – советского), и вышла она затем еще на 15 языках, сегодня уже точно и не помню каких. А вдохновил меня на нее, сам того не ведая, Александр Исаевич Солженицын.

В 1980 году меня и моих друзей по женскому неофициальному клубу «Мария» КГБ принудили к эмиграции. Оказавшись на Западе, мы решили делать то, что в наших силах, а именно – рассказать миру правду о положении женщин в СССР. В 1981 году нам удалось переиздать в Германии пару номеров подпольного журнала «Мария», я переслала их Александру Исаевичу, написала о наших планах работы на Западе и вскоре получила от него ответное письмо с такими вот отрезвляющими словами:

«9.5.81.

Многоуважаемая Юлия... (простите, не знаю Вашего отчества)!

Я действительно с сочувствием слежу за деятель-

ностью христианского направления, возникшего на родине женского движения. Считаю важным, чтобы вы свою программу изъяснили в ее отличии от поверхностного западного женского феминизма и в содержании всех страданий русской женщины, так возвысивших ее духовное понимание. И очень полезным, конечно, считаю те активные разъяснения об истинном положении женщины в СССР, которые ваша группа предпринимает».

Затем А. И. С. пишет о том, насколько Запад односторонне понимает «права человека» и вообще роль писателя, ожидая от него политических заявлений и общественных выступлений:

«На Западе потеряно: что же есть писатель? Он говорит один раз, и говорит в своих книгах и вовсе не должен все время делать еще и отдельные общественные заявления».

Вскоре мы на собственном опыте убедились в абсолютной правоте Александра Исаевича: нас понимали, когда мы говорили о преследованиях инакомыслящих и об узниках совести, но совершенно не воспринимали всерьез, когда мы рассказывали об общем тяжелом положении советских женщин. «Но у вас же достигнуто полное равноправие мужчин и женщин! Ваши женщины входят в состав правительства!» – возражали нам. Большинство женщин не понимало, что их попросту обманывают. Британские медицинские сестры, к примеру, бастовали под лозунгом «Хотим работать в таких же

условиях, как наши коллеги в СССР!» На недельку бы их в эти условия...

Как-то я выступала перед французскими женщинами и среди прочего рассказала им о том, что 40 % ленинградцев до сих пор (начало 80-х годов) живут в коммуналках. «Ах, но это же так прекрасно – жить коммуной до самой старости!» – бодро возражали мне левые феминистки. И тут меня осенило. Я больше не стала приводить официальную статистику на этот счет и рассказывать, как мучаются жители моего города «квартирным вопросом», а просто рассказала, как однажды мы с сыночком проспали обычное наше время вставания и когда встали – единственный туалет в квартире был уже недоступен. И тогда мне пришлось... воспользоваться сыновьим горшком! В детский садик и на работу мы успели, но ошеломленный малыш потом долго не мог мне простить моего поступка и жаловался на меня обеим бабушкам: «А мама меня обидела, она в мой горшочек пописала!» Зал сначала хохотал, а потом, когда наступило время вопросов и ответов, слушатели говорили, что вот именно этот смешной рассказ о сыновьем горшочке показал им, что коммуналка – это и вправду трудно и ужасно.

Ага, вот оно! Им надо не доказывать, а просто рассказывать и показывать реальное положение дел! Причем рассказывать желательно легко и весело, в художественной форме – а правду они и сами поймут. Несколько месяцев я думала о книге про советских женщин, искала жанр и фабулу,

несколько раз пробовала начать то так, то этак, пока меня не осенило – «Декамерон»! Веселая россыпь разноцветных карамелек с горчащей начинкой правды!

Ну, а дальше был полный и победный успех. Книгу переводили, издавали, переиздавали, несколько раз инсценировали. Иногда меня спрашивали: «А на русском языке вы издадите свой «Женский Декамерон»? Я удивлялась: «А это еще зачем? Советский читатель и так сам все знает, а для эмигрантов издавать – это уже роскошь несусветная...» Однажды только я сделала исключение, когда издать книгу на русском языке предложило израильское русскоязычное издательство «Зеркало». Я согласилась. До сих пор это издание на русском языке является единственным законным – все остальные издания «Женского Декамерона» на русском языке попросту украдены, я их не разрешала и доходов с них не имела, и тем более не отвечаю за безобразное количество ошибок и опечаток в них.

Время шло, я считала, что мой «Декамерон» уже благополучно забыт да и не нужен никому – ну и ладно, мне других забот хватало. Время шло, прошло... и дошло до того, что в России появилось новое поколение людей, которые искренне не знают о реальном положении женщины в СССР, – это молодые. А старики, пережившие общенациональную депрессию, вдруг кинулись вспоминать, какими счастливыми они были... нет, не в молодости, а при советской власти! И тут я поняла, что теперь уже в самой России у меня появился

потенциальный читатель, которого, как когда-то западного читателя, никакими историческими фактами, выкладками и статистикой не проймешь и не убедишь в том, что в СССР жить было не так уж беззаботно, легко и спокойно, как говорят некоторые. Словом, неожиданно для меня самой пришло время издания «Женского Декамерона» на русском языке. Вот оно, перед вами.

День первый, глава первая,

посвященная рассказам о первой любви, которым предшествует еще одно, тоже небольшое, всего в пару страничек, вступление-экспозиция

«Нет, это черт знает что!» – подумала Эмма. Она перевернулась на живот, положила «Декамерон» между локтей, натянула подушку на уши и попыталась сосредоточиться.

Она уже видела, как будет начинаться этот спектакль. У входа в зал зрителей вместо билетеров встречают монахи в низко надвинутых на глаза капюшонах: они проверяют билеты и провожают зрителей на места в темном зале, освещая дорогу и номера кресел старинными фонарями со свечками внутри... Надо будет сбегать в Эрмитаж, присмотреть подходящий фонарь, зарисовать. А сцена с самого начала открыта и освещена только синеватой бутафорской луной. Она изображает площадь Флоренции с темным фонтаном посредине и порталом церкви на заднем плане. Над порталом надпись: «Memento mori» – «Помни о смерти». Время от времени по сцене будут проходить монахи с тележкой – «собиратели трупов». И колокол, обязательно все время должен звучать заунывный и глуховатый колокол. – «По ком звонит колокол...». Надо устроить так, чтобы до начала спектакля в зале веяло смертью. Вот на этом фо-

не и будут десять боккачиевских весельчаков рассказывать свои истории.

А все же трудно поверить, что так оно и было: кругом чума, смерть, горе, а посреди всего этого – изящные жёщины и галантные мужчины ублажают друг друга романтическими и озорными байками. Вот у нас и не чума, а простая кожная инфекция, какие то и дело вспыхивают в родильных домах, – а слез, а истерик!.. Или так измелывал народ? И что им, глупым бабам, не ложится? Не терпится за пеленки приняться? Господи, как представишь себе, так руки опускаются: тридцать подгузников, тридцать тонких пеленок, столько же байковых – зима. И каждую простирнуть, прокипятить, с двух сторон прогладить.

С ума сойти! На Западе матери давно пользуются бу-мажными пеленками и непромокаемыми штанишками: что бы нашим заодно с их драгоценной электроникой прихватить парочку действительно необходимых изобретений? Так ведь нет, до такого экономического шпионажа они не додумаются. А ведь это тоже деньги. Впрочем, ну их. Надо сосредоточиться на «Декамероне».

** * **

В палате одна из женщин заплакала в голос, ей тотчас стала вторить другая. Эмма поняла, что сосредоточиться ей никак не удастся, и хотела уже сказать что-нибудь этим ревам,

но ее опередила Зина, «женщина без определенного места жительства», как называли ее врачи при обходе, а попросту говоря, бродяжка, «бичиха».

– Бабоньки! – смеясь, заговорила она. – Вы бы хоть по очереди скулили, а не хором. В ушах звон стоит. Пропадет молоко с расстройства, тогда узнаете, почем фунт лиха.

– В самом деле, дорогие мамочки, потише бы... – все же не удержалась Эмма.

– Отвлечься бы чем-нибудь от мрачных мыслей! – вздохнула толстушка Ирина, которую в палате все звали Иришкой за добрый нрав и какую-то славную домашнюю уютность.

– Может, кто анекдот расскажет?.. – поддержала ее Зина.

И тут Эмму осенило. Она подняла над головой «Декамерон»:

– Дорогие мамы! Кто из вас читал эту книгу – «Декамерон» Боккаччо?

Кто читал, кто нет.

– Так вот, – продолжала Эмма, – для нечитавших объясняю популярно. В этой книге рассказывается о том, как десять средневековых юношей и девушек во время чумы покинули Флоренцию, уехали за город и сами себе устроили карантин как раз на десять дней, как и у нас. И каждый день они по очереди рассказывали друг другу разные истории о любви, счастливой и трагической, о проделках ловких любовников. Вот я и думаю: а не устроить ли нам здесь свой «Декамерон»? Нас как раз десять, и у нас впереди десять

дней. Мы можем рассказать друг дружке сто разных историй. Ну, как вам моя идея?

Все будто только и ждали этих слов: анекдоты и рассказы о семейных заботах всем давно уже приелись.

– Придуманно здорово! – заявила Иришка. – Я предлагаю начать с самого начала, то есть с рассказов о первой любви. Только, чур, я рассказываю последняя, потому что я стесняюсь!

– А чего стесняться-то? Аль мы все не бабы, не одним местом любим? – засмеялась Зина.

– А ты какое место имеешь в виду? – прищурившись, спросила ее эффектная блондинка с заграничным именем Алина.

– Она имеет в виду сердце! – на всякий случай поторопилась ответить за Зину Валентина, как позже выяснилось, «дама из номенклатуры».

– Ах сердце!.. – разочарованно протянула Алина и равнодушно зевнула. Но было видно, что она просто дразнит Валентину, а сама по себе идея рассказывать всем по очереди ей нравится, глаза у нее так и блестели.

Но Валентина не сдавалась.

– Не понимаю, почему слово «любовь» у некоторых вызывает нездоровые смешки? Любовь в нашей стране дело государственной важности, потому что на основе любви создается семья, а семья – это ячейка государства.

– Это верно! – вступила в разговор Ольга, работница с

Адмиралтейского завода. – Моей первой любовью даже два государства занимались: Советский Союз и Германская Демократическая Республика, во как...

– Ну?! Расскажи, Оля! Расскажи! – загалдели женщины и, приподнявшись в кроватях, приготовились слушать. Ольга не стала ломаться и начала историю своей первой любви.

История первая,

рассказанная работницей Адмиралтейского судостроительного завода Ольгой, повествующая о том, как между немецким судостроителем и советской рабочей завязался роман в духе интернационализма, но дело кончилось выкидышем, хотя этой любовью и занимались органы двух государств

Я на Адмиралтейском работаю, в мебельном цехе лакировщицей. Зарабатываю хорошо, грех пожаловаться. А вот от начальства нет продыху: как путевка или, не дай Бог, продвижение в очереди на квартиру – кому угодно, только не Зайцевой. Почему не Зайцевой, спросите? А потому, что у Зайцевой жених был немец. Гэдээровский, правда, немец, не настоящий, но все же...

Уже десять лет почти прошло, как эта любовь со мной приключилась. Делали на нашем заводе танкер для немцев. Это было совместное русско-немецкое, то есть, тьфу, советско-немецкое производство. Немцы строили корпус, а на нашем заводе ставили механизмы и отделку производили. Обе страны социалистические, там и там социалистическое соревнование вовсю идет, поэтому сдали танкер на полгода раньше срока. А потом месяцев восемь мы вместе недоделки устраняли: то к нам на завод танкер пригонят вместе с

немецкими судовиками, то гонят его, родимого, обратно в Росток, в немецкий порт, но там уже мы на нем свои недоделки доделываем. Так и катаемся из Ростoka в Ленинград и обратно. Сдружились, а многие и слюбились: молодых-то среди нас много было.

Мне понравился механик Петер, Петя по-нашему. Чистенький, обходительный, серьезный, по-русски говорит. Одно плохо – верующий. Это у них еще встречается в ГДР, все же они нашими стали не так давно. Зато, может, он поэтому, когда узнал, что я забеременела, ни про какие аборты и слышать не хотел, а сейчас же побежал к своему начальству просить разрешения жениться на мне. Его начальники разрешили, а наши – ни в какую! Сняли меня с танкера и на партком, на местком, на растудыегоком. Срамят меня и прямо приказывают: «Делай аборт! Все равно не выпустим! Или уговаривай своего фрица в Советский Союз переселяться». А как уговоришь, когда у Пети там, в Ростoke, и родители, и братья с сестрами, и домик с садом, а у меня – ничего подобного: сама круглая сирота и живу в общежитии. На что ж я Петю своего тащить из его гэдээровской Германии буду, на какую такую сладкую жизнь? «Дайте, говорю, хоть комнату, если квартиру нельзя, чтоб жить нам где было, тогда я его попробую уговорить». – «Ишь, говорят, хитрая! Каждому квартиру дай, так вы тут все иностранцами пообзаведетесь!...» И до того меня задергали, засрамили, по начальству затаскали, что на пятом месяце я и скинула мальчика.

Скинуть-то скинула, а Пете написать боюсь, чтоб не раздумал жениться. А он там воюет за меня, бумаги пишет во все стороны, советские и немецкие. Только и у него ничего не выходит, видно, наши хозяйева сговориться успели. А когда подошел мне срок рожать, Петя прислал мне шубу котиковую, а для ребеночка такое приданое, что соседки со всего общежития сбежались смотреть. Один сплошной синтетик! А я плачу над приданным ребячьим; жизнь-то разбита вся как есть...

После получаю я от Пети письмо, что, мол, между нами все кончено по причине моего обмана. Кто уж ему про ребеночка из Ленинграда написал, не знаю. То ли соседки позавидовали да адрес с письма списали, то ли начальство меры приняло.

Что потом? Да ничего такого особенного. Вышла замуж за хорошего парня с нашего же завода. Пьет только очень, а так всем хорош. Но с Петенькой не сравнить, конечно. Тот был воспитанный немец и к женщине имел обращение. Только и осталось, что шубка Петенькина, которой сносу нет и нет. Уж я даже и плачу иногда над ней: что ж ты, подлюга такая, не рвешься, не снашиваешься, забыть не даешь? А продать жалко. Память все же...

— Да, натуральному котик у сносу нет... — задумчиво произнесла Неля, тихая черноволосая женщина, учительница музыки. — Моя мама всю войну проносила котиковую шубу,

а потом еще мне на воротник осталось...

— Что ж тут удивительного? — улыбнулась Ольга. — Четыре года для шубы не срок, моя так все еще как новенькая.

— А вы спросите, где моя мама ее носила. И я вам отвечу, что шубка эта и под землей побывала, и в концлагере немецком на нарах валялась, и меня от фашистов укрывала...

— Расскажите? — спросила Эмма.

Но у Нели навернулись слезы на глаза, и она замотала головой:

— Потом, ладно? Сейчас не могу как-то... Потом.

И тогда в кровати приподнялась Лариса:

— Давайте я вам расскажу историю своей первой любви! Хотите?

— Конечно, хотим! — закричали женщины. Лариса уже давно возбуждала общий интерес в палате своей молчаливой независимостью и всегда ровным настроением. А ведь к ней и не приходил никто, только сослуживцы, да и то редко, раза два или три. Она же делала вид, что ее это ничуть не огорчает. О себе она до сих пор ничего не рассказывала, а потому ее неожиданное предложение всех удивило и заинтериговало. И только Эмма, кажется, поняла, в чем тут дело: после отказа Нели рассказать о себе сама идея «Декамерона» могла загдохнуть на корню, и вот тут-то Лариса и проявила инициативу. Она с минуту подумала, улыбнулась своим мыслям и начала рассказ.

История вторая,

рассказанная доктором биологических наук Ларисой, женщиной вполне эмансипированной, могущей украсить собой любое западное феминистическое общество. Западное, потому что советских феминистических обществ не бывает (одно, говорят, было, но оказалось антисоветским и его быстренько разгромили). Это история о том, как Лариса полюбила когда-то горячо и беззаветно, добилась взаимности, устранила с дороги ненавистную соперницу, но счастья со своим возлюбленным не дождалась

В первый и в последний раз полюбила я, когда мне было всего пять лет... А вы не смейтесь, вы послушайте сначала, что это была за любовь.

Это было во время войны. Мой отец был начальником военного аэродрома, а мама – военным врачом. Служили они в одной действующей части и так боялись потерять меня в военной неразберихе, что таскали за собой, не доверяя ни родственникам, ни детским домам. Аэродром переводили с места на место, вслед за линией фронта, а меня перевозили, замаскировав под узел с одеждой, уговаривая лежать тихонько и даже не двигаться при проверках документов. Когда в часть приезжало начальство, меня тоже прятали. Так я и прошла всю войну в действующей части.

Однажды к нам в часть явился новый летчик, только что окончивший летную школу. Самый молодой из всех, всего восемнадцати лет, но мне он, конечно, казался совсем взрослым, даже немного старым. Высокий загорелый блондин с голубыми глазами, веселый и очень смелый. Его все полюбили и звали Володькой. В части было несколько девушек, работавших на метеостанции и в санчасти, да еще радистка Раечка. Они все наперебой строили Володьке глазки, а эта самая Раечка даже добилась определенного успеха. Но я у нее Володьку отбила. Не смейтесь, так оно и было!

Почему этот мальчик, то есть мальчик для меня теперешней, сорокалетней женщины, привязался тогда ко мне, избалованной «дочери полка», — этого я не знаю. Мы дня не могли прожить друг без друга. Утром я вставала и сразу же бежала к летчикам. Завидев меня в окно, «летуны» кричали Володьке: «Твоя невеста бежит с утра пораньше, встречай!» Володька встречал меня в дверях, подхватывал на руки, и только после этого мы шли с ним завтракать в столовую. Лучшие куски из Володькиной тарелки, какой-нибудь жиденький компот из сухофруктов, роскошь военных лет, — все это было мое по праву «невесты».

Мама с папой пытались препятствовать такому баловству. Как-то они на целый день запретили мне докучать Володьке. Я сидела дома и хныкала. Представьте, каково было их удивление, когда Володька собственной персоной явился в нашу комнату и с порога, отдав папе честь, заявил:

– Товарищ командир! Прошу предоставить в мое распоряжение мою невесту, нам пора идти проверять машину.

Меня, конечно, отпустили с Володькой, и мы, счастливые, побежали на летное поле. Володька берег и холил свою машину, разведывательный У-2, «этажерку», как небрежно именовали ее однополчане, летавшие на истребителях. Он осматривал машину, чего-то там подлаживал, а я с тряпочкой ползала по плоскости, стирая пыль. После работы Володька брал меня в кабину, и мы делали круг-другой над аэродромом – отец и это разрешал. После «работы» шли обедать. В столовой меня спрашивали летчики:

– Ну как, Лорка, машина в порядке?

– С машиной полный порядок! – отвечала я важно.

Однажды Володька за меня дрался с другим «летуном». Я как-то среди игры забежала в его комнату попить. Там ребята пили спирт втихаря от начальства. Меня они не остерегались: Володька воспитывал меня в строгих правилах военного товарищества. Я знала о жизни нашей части, о некоторых ее сторонах, конечно, даже немного больше отца. Я вошла в комнату, увидела, что Володьки нет, и попросила первого попавшегося летчика дать мне воды. А этот дурак, изрядно уже охмелевший, вместо воды протянул свой стакан со спиртом. Я хлебнула большой глоток и задохнулась, потом заорала благим матом. На мой крик мгновенно появился Володька. Он сразу сообразил, в чем дело, схватил меня на руки и стал насильно поить водой. Я ничего не сообража-

ла и только орала. Когда я отдышалась, Володька положил меня на койку, а сам за грудки выволок обидчика во двор и там жестоко избил его. Тот неделю ходил в синяках. Отец, конечно, ничего не узнал, а я с того случая еще тверже усвоила, что Володька – моя самая главная защита, даже чуточку больше, может быть, чем отец.

Но вот у него начался роман с этой самой радисткой Раечкой. У, стерва! Я до сих пор ее ненавижу. Они встречались вечерами, уже после того, как я отправлялась спать. Не знаю, что у них было и сколько там оно продолжалось, но однажды кто-то в шутку сказал мне: «А твой Володька изменяет тебе с Раечкой». И я взорвалась. И какая же это была ревность, дорогие мои! Я вся горела ненавистью и отчаянием, но твердо решила Раечку от Володьки отогнать. И я это сделала. Спросите, какими средствами? А я его отбивала в прямом смысле: если видела, что Раечка к нему приближается, я бросалась на нее и лупила: «Пошла прочь! Это мой жених, а не твой!» Меня стыдили, уговаривали, но я знала одно: Раечку к Володьке я не подпущу. Наконец у моего отца лопнуло терпение, и он меня выпорол, да так, что на попе остались красные полосы от ремня. Но женская хитрость моя не знала предела. Я немедленно бросилась к Володьке, при всех сняла штанишки, показала свою попку и сказала: «Вот видишь! Это мне из-за твоей дуры Раечки попало. И папа сказал, что еще попадет, если ты с ней ходить будешь». Понятно, что папа сказал несколько иначе... И что же вы думаете? Сам

ли Володька не так уж был привязан к моей сопернице, она ли не выдержала того, что над нашим «треугольником» все потешались и прочили ей отставку, но роман их вскоре благополучно завял. После, встречаясь с Раечкой, я неизменно гордо отворачивала голову от поверженной соперницы и никогда с ней не здоровалась, порой получая за это очередной шлепок от папы или мамы.

В чем же еще наша любовь состояла, кроме всех вот этих глупостей? В самой настоящей любви. Когда Володька был свободен от полетов, мы гуляли с ним в лесу вокруг аэродрома, заходили в соседние деревни. Я не помню, о чем мы разговаривали, но наше общение было одной долгой и непрерывной беседой, как это и бывает при настоящей большой любви. Трудно теперь представить себе, о чем могли часами и днями разговаривать восемнадцатилетний юноша с пятилетней девчушкой. Я помню лишь состояние ясности, покоя и серьезности во время наших бесед. Говорили мы о кузнечиках и их особенной жизни, никому, кроме нас с Володькой, не интересной, говорили о войне и жизни взрослых людей. Этот большой мальчик, тоже выбитый из колеи войной, был единственным, кто мог вернуть мне настоящее детство — поле, лес, сказки. Между прочим, сказки мы с ним сочиняли вместе: что увидим, про то и рассказываем. И еще я помню чувство абсолютной защиты, которое давали мне почему-то не мать и отец, а именно Володька.

Нас часто бомбили. Аэродром был замаскирован под ле-

сок, но его как-то находили фашисты, и тогда мы должны были перебазироваться на новое место. Военный ребенок, я видела раненых и убитых, воронки от бомб и разрушенные дома, сгоревшие самолеты. Помню похороны летчиков, когда на могилах вместо крестов ставили пропеллеры. Но я была с Володькой и твердо знала, что он защитит меня и от «мессера» в небе, и от мины на земле.

Когда же Володька уходил на задание, а он занимался разведывательной аэрофотосъемкой на своем У-2, я ждала его возвращения, как маленькая женщина. Я не играла, сидела где-нибудь в уголке и прислушивалась: мотор Володькиного самолета я различала издали. Тогда я бежала к летной полосе с ликующим воплем: «Володька летит!» – и ни разу не ошиблась.

Однажды он не вернулся из полета. Отцу сообщили, что видели, как на Володьку напал фашистский «мессер» и подбил его, поджег в небе. Об этом узнали все в части, узнала и я. О нем горевали друзья, мои родители. Даже Раечка ходила с заплаканными глазами. А вот я в его смерть не поверила и оказалась права. Мне было холодно и скучно без моего Володьки, я погрустнела, но на все утешения отвечала: «Мне скучно, потому что я Володьку жду. Он скоро вернется». Прошло несколько месяцев, и вот однажды зимой мама вошла в комнату и сказала мне: «Беги скорей, встречай своего Володьку...». Вид у мамы при этом был почему-то не слишком веселый, но я на это не обратила внимания. Я как

была, не накинув шубейки, выскочила из дома и помчалась к штабной землянке. Там я увидела Володьку и бросилась к нему. Когда я подбегала, кто-то крикнул: «Осторожней!». Но я уже была у него на руках и только почувствовала, что он покачнулся, когда подхватил меня. Кто-то поддержал его – Володька вернулся без ноги, на костылях. И вот еще удивительная вещь, из которой вы поймете, что это и вправду была любовь. Володька в том полете обгорел так, что когда он вернулся, его не сразу узнали: все лицо у него было обтянуто багровой блестящей кожей и на щеках было несколько глубоких светлых рубцов. Но я его не разглядывала и не узнавала, я просто летела к нему, сердцем точно зная – вот он! И опять я помню это чувство полного покоя, любви и защиты, когда мы все сидели за столом, я у него на руках, и Володька рассказывал свои приключения. Я гладила пальцем рубцы на его лице и спрашивала: «Тебе так не больно? А так? А когда я целую?»

За тот полет Володьке дали капитанское звание, а я ему присвоила новое, более степенное прозвище – «мой капитан Подгореленький». Так его потом и все стали звать. Через месяц ему прислали протез, и он летал дальше.

Кончилась война с Германией, пришла пора расставаться нам с капитаном Подгореленьким, с моим Володькой: мы возвращались в Ленинград, а его направили на Дальний Восток. И вот когда мы с ним расставались, Володька сказал мне: «Кончится война с японцами, потом ты подрастешь,

станешь взрослой красавицей, тогда я найду тебя и ты будешь моей женой». Я приняла эти слова всерьез, но не поручусь и за то, что сам Володька шутил. В день прощания он ни с кем, кроме меня, не разговаривал. Когда мы уезжали и меня, ревущую, запихивали насильно в «виллис», он сказал: «Прощай, верное мое сердечко, и жди меня».

Шли годы, Володька не возвращался, а я не могла его забыть. Подросла, стала взрослой девочкой и уже стеснялась спрашивать о нем родителей. Затаилась и ждала. А в шестнадцать лет начала поиски. Сердце мне говорило, что Володька не забыл меня и тоже ищет. Одно было непонятно: почему он, самый сильный и самый умный, до сих пор не нашел меня? Я спрашивала о нем и родителей, и знакомых авиаторов: не знает ли кто о его судьбе? Никто ничего не знал. Но летный мир все же тесен, и я была уверена, что рано или поздно я о нем услышу. И услышала...

Вы помните, сколько тайн раскрылось после XX съезда? У многих обнаружили родственники, о которых не знали дети, у некоторых женщин появились живые или мертвые мужья, некогда пропавшие в лагерях. Мама, всегда грустно качавшая головой, слыша мои расспросы о Володьке, посадила меня рядышком и рассказала о страшной его судьбе. За тот самый героический полет, из которого Володька чудом вышел живым, его сначала повысили в звании и представили к награде – золотой звезде Героя Советского Союза, но после, «разобравшись», упрятали в лагерь. Оказывается, Володька

посадил самолет в тылу у немцев и, захватив аэрофотосъемку, перебрался к своим через линию фронта, обгоревший и с простреленной ногой. Поначалу из него сделали второго Маресьева, но потом решили, что одного вполне достаточно. И сгинул мой жених на Колыме.

Вот и вся история моей первой любви. А второй любви у меня не было. Смотрела я на мальчиков, своих ровесников, потом на мужчин, когда постарше стала, и ни один из них не казался мне настоящим мужчиной, когда я сравнивала их с моим Володькой. Замуж я так и не вышла, хотя были какие-то попытки... Но когда дело доходило до решения, я всегда говорила себе: «Нет, и этот не Володька. Надо еще подождать». И ничего не дождалась. Защитила докторскую и решила, что пора самой строить семью, без мужиков. Родила вот себе сына, Володьку... Родила и буду воспитывать.

– Теперь понятно, откуда в вас такая сила и уверенность в себе, – проговорила Валентина, работник Управления культуры Ленинградского горисполкома. – Высокая требовательность к другим выработала в вас и высокую ответственность, помогла добиться всего своими силами. А растить ребенка вам поможет государство.

– Спасибо ему большое! – засмеялась Лариса. – Уж пять рублей лишних я как-нибудь сама заработаю.

– Не скажи! – улыбнулась «бичиха» Зина. – Пять рублей – это, глядь, пол-литра, а то и три «маленьких».

Начали шутя перебирать, что можно купить ребенку на

пять рублей в месяц; один сапожок, два кило мяса в магазине или один килограмм на рынке, кило яблок на рынке или три в магазине, четверть школьной формы или одно колесо от трехколесного детского велосипеда.

Над этим «прейскурантом» не смеялась только Наташа, тоже довольно современная женщина, хотя и не столь уверенная в себе, как Лариса.

— А мне кажется, Лариса, что вся ваша сила как раз от беззащитности. Это со многими женщинами теперь случается. Не так уж мы сами стремимся быть сильными, как нас вынуждает к этому слабость мужчин. Феминизируются они со страшной силой, вот что. Муж в доме — это тот же ребенок, только прозорливей.

Посплетничали немного о мужьях, а потом предложили рассказывать Зине, ее была очередь.

История третья,

рассказанная Бичихой Зиной, официально именуемой «гражданкой без определенного места жительства», и поведующая о том, как мужественный воин Советской армии неожиданно воспылал нежными чувствами к молодой еще тогда Зине, увлек ее на свидание и там добился от нее полной взаимности, действуя вполне в духе традиций Советской армии. Затем возлюбленные расстаются по не зависящим от Зины причинам. Вскоре она узнает от своей матери, пытавшейся восстановить честь дочери через непосредственное начальство Васи или Коли (см. в тексте новеллы. – Прим. автора.), что ее возлюбленный демобилизовался, то есть окончился срок его службы, и он уехал домой – в неизвестном направлении

У меня, девки, первая любовь тоже военная была. Рядом с нашей деревней часть стояла стройбатовская. Солдаты в клуб ходили, за нашими девками бегали. Раз пошел меня солдат после кина провожать, затащил в кусты да и трахнул. Сильный был, зараза. А я кричать постеснялась. Через неделю набралась духу, призналась маманьке. Та кинулась начальству на солдата жаловаться, а того уж и след простыл – дембиль ему подошел... Васей его звали. Или Колей?.. Не, кажись, Васей. Вот и вся любовь!

Засмеялись женщины:

– Зин! Какая же это любовь?

– Чего там «какая»? Самая в натуре и есть. Будь вон Лариска годков на десять постарше, неужто б ее Володька не трахнул? В пятнадцать лет она б по кустам не кузнечика с ним словила, а чего покрупней! Вас, девки, видно, папы-мамы берегли пуще глаза да жареный петух в жопу не клевал, вот вы и верите сказкам про любовь.

И Зина сердито отвернулась. Ее соседка Наташа, та, что говорила о «феминизации мужчин», сказала сочувственно:

– Не сердитесь, Зина, ни на нас, ни на жизнь. Настоящая первая любовь ведь и вправду не всем выпадает. А кому выпадает, те как раз почему-то не умеют ее беречь. Иначе бы все семьи по первой любви создавались, но ведь этого нет давным-давно, да и раньше было ли? Сейчас как раз моя очередь, и я вам расскажу историю своей первой любви, которую я предала самым глупым образом.

История четвертая,

рассказанная инженером Наташей, повествующая о такой классической первой любви, что автору неинтересно писать этот подзаголовок. Правда, в конце будет рассказано о довольно редком для юного существа коварстве, проявленном двоюродной сестрой Наташи, но коварству у нас будет посвящена особая глава, поэтому пока я передаю слово самой Наташе

Ко мне первая любовь пришла не слишком рано и не слишком поздно, а в самом подходящем для этого возрасте, в шестнадцать лет.

Девятый класс я закончила отличницей, и вот мои родители, чтобы я отдохнула перед трудным десятым классом, отправили меня на все лето в Сухуми, к нашим дальним родственникам грузинам. А чтобы было кому за мной присматривать, туда же поехала моя старшая двоюродная сестра Наденька, студентка медицинского института и тоже «вечная отличница».

Обе мы были девушки домашние, академические, что ли. Кроме учебы занимались только музыкой, да и то немного, для себя. Обе были послушными дочерьми и даже носили косы, хотя тогда уже их мало кто из ровесниц donaшивал. Первое, что мы сделали с моей Наденькой в Суху-

ми, — отправились прямо с вокзала в парикмахерскую и косы свои остригли, сделали себе прически «под мальчика». Вырвались, что называется, на свободу! Дальше этого, правда, наше свободомыслие не пошло: ни на танцы, ни в кино мы вдвоем ходить не решались, потому что наслушались рассказов о том, как грузины и абхазцы похищают русских девушек, а днем на пляж нас, самоотверженно забросив хозяйство, ежедневно сопровождала тетя Этери, зорко оберегавшая племянниц от пляжных знакомств. Но местные парни нас сразу же заметили. Не знаю, как сейчас, после родов, но тогда, в шестнадцать лет, поверьте, я была красотка хоть куда. Да и сестренка не хуже. Когда вечерами все семейство усаживалось на балконе пить чай, и мы с Наденькой тоже, мимо нашего дома взад-вперед прогуливалась целая ватага ребят. Они бренчали на гитарах, пели песни и изредка, если за столом не было тети Этери, будто бы шутя звали нас прогуляться. Мы с Наденькой томились, скучали, но на приглашения парней даже глазом не поводили. И это очень нравилось нашей тете. Мы же втайне только и думали, как бы уйти из-под стражи.

Помог счастливый, вернее, несчастный случай. Однажды на море поднялся шторм. Мы пошли с утра на пляж, но купаться нам тетя Этери не разрешила. Наденька смирилась, а я принялась уговаривать:

— Тетя, милая, ну хоть разочек разреши сплавать недалеко! Мы тоже росли у моря, у Финского залива, и плавать с

рождения умеем как лягушки!

Наконец тетя смилостивилась и отпустила: «Только недалеко!»

Какое там «недалеко»! Мы поднырнули под первые волны, а там пошли саженками вымахивать в море... Наплавались, нанырjались вволю, на волнах покувыркались – надо назад возвращаться. А на берег-то нам и не выйти! Только подплывем, встанем на ноги, тут же нас волной накроет, закрутит – и о камни! Тетя увидела такое дело, бросилась к воде. Бегает по краешку, руками машет, кричит, как курица. Нам от этого только хуже, тетина паника и нам передалась. Гляжу, у Наденьки уже рот кривится. «Давай, говорю, снова в море отплывем, отдохнем немного – и назад». Выплыли мы снова в море, плаваем, но уже без прежней удали: отдыхаем на спине, чтобы сил набраться для нового выхода на берег. Тут видим, к тете подошли два парня, она им что-то объясняет и на нас показывает. Скинули они рубашки, брюки и бросились к нам на выручку. Объяснили нам, как надо выходить: оказывается, возвращаясь, надо тоже подныривать под волны, а потом, на мелком месте, сразу бросаться бегом на берег, пока волной не накрыло. Выбрались мы на берег, держась с ними за руки. Тетя парней благодарит, а нам с Наденькой не до этого, мы их даже не разглядели.

Два дня нас тетя на пляж не пускала в наказание, а на третий сжалилась, повела. Только мы расположились на песочке, как тут же появляются наши спасители и прямо к ней:

– Тетя Этери! Если вы хотите, мы будем охранять ваших девушек в море! – говорит один.

– И на суше! – добавляет другой.

Тетя поглядела на них подозрительно, но согласилась, отпустила нас с ними плавать, все же спасители! А после стала и на прогулки с ними пускать. Только закон был у нее такой: ходить гулять и купаться только днем, и чтобы они нас домой приводили и сдавали прямо ей.

Конечно, мы быстро разобрались и влюбились: Наденька в Шалву, а я в Амирана. Первое время гуляли вместе, после стали разделяться, договариваясь о встрече на потом, чтобы к дому вместе подходить. А немного погодя мы научились с Наденькой спускаться из окна нашей комнаты по толстой виноградной лозе. Тетя нами не нахвалится: «Мои девочки по улицам не бегают, как другие, вместе с курочками ложатся!» Ложились-то мы и вправду вместе с курочками, но зато потом гуляли до первых петушков. Домой влезали когда уже светать начинало.

Поначалу мы только за ручку держались и разговаривали, разгуливая по ночному бульвару. Потом как-то сидели мы с Амираном у моря на камушках, а он взял и поцеловал меня в щеку. Я со страху заревела. Он, бедный, ходит вокруг меня и не знает, как успокоить. Вошел в воду прямо в брюках и в ботинках и говорит.

– Пока ты будешь лить соленые слезы, я буду пить соленую воду!

И начал горстями черпать воду и пить, приговаривая:
«Ой, гадость какая! Ой, вот-вот помру, наверно!»

Я испугалась и кричу:

– Перестань сейчас же, я уже не сержусь!

А он, хитрюга, отвечает:

– Перестану, если сама поцелуешь!

Пришлось мне уступить, А потом я во вкус вошла и целовалась с ним столько, сколько он хотел. Но больше ни-ни!

Ах, девочки, какое же это было прекрасное лето!.. Амиран водил меня по всем заповедным местам, которые знал с детства. Мы собирали орехи в горах, раковины у моря, ходили на лодке ловить скумбрию. Как водится, строили планы на будущее: он тоже через год кончит школу и приедет в Ленинград учиться, а каждое лето мы будем возвращаться сюда, к морю. Плавать он меня научил так, что каждый шторм для меня стал праздником, я дельфинчиком на волнах кувыркалась. И расцветала с каждым днем, за лето лифчик пришлось два раза сменить – мал становился.

Пришла пора нам с Наденькой возвращаться в Ленинград. Всю ночь перед отъездом мы с Амираном просидели у моря, прощаясь. Провожать он меня пойти не мог из-за тети Этери: она бы сочла это недопустимой дерзостью. Но только наш поезд тронулся и мы с Наденькой грустно уставились в окно, как в наше купе постучали и вошли улыбающиеся Шалва с Амираном. У Амирана в руках была стеклянная банка с цветущими ветками магнолии – он знал, что я от нее без

ума. Если бы вы видели, как на меня смотрели в Ленинграде, когда я шла по Невскому с этим букетом от Московского вокзала домой на Лиговку! Ребята проводили нас до Адлера, и тут уж мы расстались, как мы тогда думали, до будущего лета.

Дома уже начиналась осень, первые желтые листики летали... А мне, стоило закрыть глаза, слышалось шуршание ночного моря, тихий голос Амира. И привычка у меня дурная появилась – губы облизывать. Это я его соленые поцелуи вспоминала. Долго у меня потом эта привычка сохранялась. А сухая ветка магнолии висела у меня над кроватью, я ее гвоздиком прямо к стене прибила. Лепестки опали, бутонны высохли и стали коричневыми, но когда я прижималась к ним носом, мне слышался тонкий-тонкий далекий запах магнолии. Особенно если закрыть глаза.

Мы с Амираном переписывались. В своем школьном портфеле я носила его фотографию, которую он прислал мне сразу же после лета. Я стала немного хуже учиться, потому что все время отвлекалась и уносилась мыслями назад, к морю.

Примерно через три месяца, когда уже выпал снег, приехала к нам в гости Наденька. Я обрадовалась ей страшно, поскорей увела ее в свою комнату и набросилась с расспросами: «Ну как? Шалва пишет тебе? Ты очень скучаешь?» Наденька поглядела на меня недоуменно:

– Ты о чем, Наташка? Неужели об этом маленьком летнем

романе? Брось об этом и думать, это же все было несерьезно. Мальчишки в курортных местах всегда летом ухаживают за приезжими. Кто этому придает значение?

– Я придаю значение. Мы с Амираном всерьез друг друга любим.

Наденька расхохоталась и долго не могла успокоиться.

– Какой ты ребенок, Наташка! Неужели ты не понимаешь, что ничего у вас не выйдет? Вы же люди разного круга, кроме всего прочего. Ну-ка, дай мне последнее письмо твоего Амирана.

Я, дурочка, послушно вытащила из портфеля конверт и подала ей. Наденька начала читать, улыбнулась. Потом она взяла из стаканчика на моем письменном столе красный карандаш и начала им отмечать ошибки в письме. Я почувствовала, как кровь у меня прилила даже к ушам, но остановить сестру не могла, только смотрела, как на каждой строке появляются красные отметки, будто красные колючки вырастают. Когда Наденька избеобразила все письмо, она вернула его мне и сказала.

– А вот теперь покажи это письмо своим подружкам в классе. Похвастайся, какой у тебя дружок появился.

Я молча сунула письмо обратно в портфель, но не для того, конечно, чтобы показывать его в классе.

Уже в следующем письме Амирана я сама заметила все ошибки, а за ошибками перестала понимать написанное, уже не слышала его голоса за каждой строкой. Дав мне время

подумать, Наденька явилась через месяц.

– Ну, ты уже поумнела? Поняла, что вы не пара? Учти, что твои родители никогда не разрешили бы тебе выйти замуж за полуграмотного грузина. Погоди, ты еще увидишь его на Кузнечном рынке торгующим мандаринами или мимозой! В кепке-аэродроме!

Так уж нас воспитывали, что торговля, да еще на рынке, казалась нам делом крайне неприличным, почти позорным.

– Давай-ка я помогу тебе написать прощальное письмо. Мы так его напишем, что он сразу позабудет все ваши глупости.

И я, дуручка, послушно согласилась. Ну и стервозное же она мне письмо продиктовала! Я уж вам не буду его пересказывать, хоть и помню до сих пор каждую строчку. Смысл его в том был, что нечего тебе, мальчик, не в свои сани примеряться, знай свое место. Ваше дело, дорогие «нацмены» – попутно Наденька мне это слово объяснила, – мандарины для нас выращивать да на курортниках наживаться.

Пока Наденька гадость эту мне диктовала, я тайно приняла решение ни в коем случае этого письма не отправлять, порвать его, как только она уйдет. Но Наденька была хитрее, она письмо с собой взяла.

– Ты еще передумаешь, а я, как старшая сестра, должна позаботиться, чтобы ты не увязла в этой глупейшей истории. Иначе мне придется все рассказать твоим родителям.

Так и отправилось это письмо к Амирану. Он ничего мне

не ответил, ни слова. Ветку магнолии я сняла со стены, оставила только один листочек, спрятала в книжку. Потом и он потерялся.

А лет через пять, когда мы с Наденькой обе благополучно вышли замуж, она мне как-то призналась:

– Ты помнишь еще свой маленький летний роман? А знаешь, я ведь сама была по уши влюблена в твоего Амирана и очень злилась, что его приятель, а не он стал за мной ухаживать. Потому и заставила тебя с ним порвать, что сама не могла его забыть. Но видишь, все оказалось к лучшему, он действительно был не пара тебе.

Я своего мужа любила и люблю, но всю ночь после Наденькиного признания я проревела в подушку от обиды за свою доверчивость и от страха перед человеческим коварством. С тех пор Наденька стала для меня чужой и мы почти не встречаемся.

Подивились женщины коварству Наденьки и решили непременно один из дней посвятить рассказам о женщинах-стервах.

Тут заговорила Валентина:

– Конечно, это нехорошо, Наташа, что ваша сестра прививала вам шовинистические настроения. Государство у нас многонациональное, вы могли бы спокойно выйти замуж за грузина, никто бы вас не осудил. Но в одном ваша сестра была права: навряд ли у вас с вашим мальчиком появились

бы общие интересы и устремления. А без них крепкой семьи не построишь... Вот у меня, дорогие мои, первая любовь была не от фантазий. Это было настоящее крепкое чувство, основанное на общих интересах и общей работе. Слушайте!

История пятая,

рассказанная работником горисполкома Валентиной, очень назидательная, но, слава Богу, и очень короткая, а потому и подзаголовок у нее должен быть коротким.

Мы с моим Павлом Петровичем оба пришли на работу в райком комсомола прямо после института. Его назначили старшим инструктором, меня – ему в помощники. Сработались мы, подружились, а потом решили создать здоровую советскую семью. Товарищи нас поддержали, стали хлопотать для нас квартиру. Получили мы ее и сразу поженились. Сын у нас родился, а дочь запланирована через три года. Мы счастливая советская семья, и я думаю, это потому, что создавали мы ее на трезвую голову, без всяких там романтических фантазий.

Женищины выслушали короткий рассказ – чуть не написала «доклад»! – Валентины и приготовились слушать Алину, эффектную блондинку, которая даже в родильном доме не переставала делать прически и макияж и принесла с собой на роды целую сумочку дорогуцей импортной косметики.

– Вот вы, Валентина, как вас там по батюшке, про свою здоровую семью нам отчитались, про своего образцово-показательного мужа доложили, – начала Алина, – а вот я

считаю, что тот мужик пригож, у которого... хорош! Так в народе говорят, верно, Зина? А еще настоящий мужчина должен обеспечить женщину комфортом. Но в одном я с вами согласна, что все беды наши женские – от фантазий. А фантазии откуда берутся, спрошу я вас? Исключительно от сексуальной необеспеченности. Вот на вас, Валентина, поглядеть: вроде вы номенклатурная единица, типичная партийная дама: фигура чурбанчиком, прическа как у бухгалтерши. А румянец живой и глазки поблескивают, хоть вы их и прячете, Лекцию вот о здоровой семье нам прочли... Но я-то вижу, что у вас с мужем в постели разговоры ведутся не о решениях последнего пленума ЦК КПСС, уж это вы мне не вкрутите!

А теперь я вам, девочки, расскажу, какая у меня была красивая первая любовь, вам такое и во сне не снилось!

История шестая,

рассказанная стюардессой Аэрофлота Алиной и повествующая о том, как развлекается современная «золотая молодежь», а также содержащая ряд полезных сведений о сексуальной революции в СССР, на фоне которой и разворачивается история первой любви стюардессы Алины, прошедшей в ожидании оной любви огонь, воду, медные трубы и много чего прочего.

Было это под Новый год. Только я вернулась домой после очередного аборта, как начали мне друзья названивать: «Давай, Алька, с нами Новый год встречать». Я девка компанейская, друзей у меня навалом, все больше сынки и дочери богатых родителей или сами обеспеченные. В общем, «золотая молодежь».

В компанию пойти – это, конечно, здорово было бы: выпить, подзакусить дефицитиком, потанцевать, «травки» подкурить... Что? Не знаете, что такое «травка»? Ну-у, вы, девки, даете! Отсталые вы тут собрались люди, как я погляжу. «Травка» – это план, марихуана, анаша, конопля индийская. Слабенький такой и совсем безвредный наркотик. Но приход от него отличный, особенно если в хорошей обстановке. Что такое «приход»? Ну, не поповский же приход! Кайф это по-русски. В компанию, где обычно все свальным грехом кон-

чается, мне после аборта идти не хотелось... Ну, что это за детский крик на полянке? Не нравится – не буду рассказывать дальше. Терпеть не могу ханжества, жизни вы настоящей не видели. Небось пусти вас в такую компанию, так еще на порошке расставили бы ножи, такие в ней крутые парни собираются... Так продолжать или нет? То-то же...

Решила что-нибудь поспокойней на этот раз выбрать и для начала к подружке заглянуть, которая «дедушку» обещала привести, а если она мне лагу подсунет – вызвать мотор и в другую компанию отправиться.

Заявляюсь к подружке, а там тьма болотная, но все чинно до одури: сидят они, она со своим дружкой и еще мужик, и на Пугачеву в телевизор пялятся. Присела я в креслице, глаз кошу на «дедушку», да в полутьме не разглядишь. Мужчина как мужчина, а вот костюмчик-то на нем фирменный, это я по силуэту сразу угадала. Подружка со своим дружкой приобнявшись сидят, как примерные супруги. Он директор гостиницы, мы через него знакомились с иностранцами. Зачем знакомились? Чтобы о международной политике разговаривать, не ясно, что ли...

Кончила верещать Пугачева, включила подружка верхний свет, и тут я, девочки, с первого взгляда на своего «дедушку» наповал влюбилась! Костюмчик, рубашечка, часики – все на нем «оттуда», все как есть до ниточки! И не то фуфло, что морячки из загранки возят, а самая что ни на есть фирма. Я ему сразу глаза, улыбочку, грудку выставляю, напролом иду.

А он оглядел меня внимательно, полулыбочки выдал да и говорит:

– Что там у хозяйюшки в баре сохнет? Надо бы выпить по-сошек на дорожку.

Подружка моя в бар полезла, а у меня так сердце кусками и опало. Песец, думаю, не приглянулась я ему. Но собралась с силенками, с кресла поднялась и – ножка за ножкой, попка сзади! – пошла подружке помогать, рюмочки к столу носить. Смотрю, начал коситься на меня мой красавец одобрительно – чего и добивались. Я к магнитофончику, включаю его и обратно шествую уже под музыку, бедрышками покачивая. Тут он в кресле откинулся, чтобы лучше меня видеть, и глазками всю обмерил. Чувствую – дошло.

Ну, что там долго рассказывать, подцепила я его, девочки. В ту же ночь повез он меня к себе на квартиру, и тут такая у нас с ним любовь началась! Для начала он велел мне все мои тряпки выкинуть, одел-обул и на Черное море повез. После я с ним побывала даже и за границей, он меня как переводчицу возил, хотя я ни слова тогда ни по-каковски не спикала, не шпрехала. А как вернулись, заставил он меня языки учить, и я ему за то по гроб жизни благодарна – теперь в загранрейсы летаю. И дома, если подработать надо, всегда легко найду себе на худой конец демократика, а то и западного кадра склею. За три года, что мы с ним жили, я такую жизнь повидала, какая вам, девочки, и во сне не снилась, в таких местах побывала, куда вас и поглядеть не пустят. А как

мое время вышло – он девочек только до двадцати лет признавал, – не бросил он меня, как другие подлецы делают, а устроил в Аэрофлот стюардессой. Вот у меня какая первая любовь была!

Алина закончила свой рассказ, над которым одни женщины ахали, а другие посмеивались:

– Ну, спасибо тебе, просветила! Теперь будем знать, что у передовой молодежи «первой любовью» зовется. Ай да Алина!

Одна бичиха Зина за Алину заступилась:

– Чего расквохтались? Может, девка не от хорошей жизни на такое пошла, вы к ей в душу не лазали! Меня из лагеря на целину заслали, так я видала, во что там чистеньких сознательных комсомолочек с путевочками уделявало свое же начальство. Грязи они боятся, понимаешь!..

Подошла очередь Гали, худенькой светловолосой женщины с короткой прической, похожей даже не на девочку, а скорее на мальчика-подростка. Обычно она лежала, уткнувшись в книжку, но теперь оживилась и слушала рассказы женщин с вниманием, даже что-то иногда записывала в записную книжку.

История седьмая,

рассказанная «диссидентской женой» Галиной и повествующая о том, как умненькая дурнушка благодаря своей несусветной доброте и готовности пойти на любую авантюру ради дружбы находит свое счастье в одном из политических лагерей Советского Союза – не в качестве узницы этого лагеря, конечно!

Слыхали вы, кто такие «диссиденты»? Так вот я нечаянно стала диссидентской женой. Это и была моя первая любовь.

Вы сами видите, что я не из тех невест, что нарасхват идут: и худая, и в очках, и вообще не очень чтобы очень, чего уж... Мне уже двадцать лет было, а я ни разу не целовалась и как-то мало о таких вещах думала. Любила театр, поэзию, училась на архитектурном в Академии художеств. Друзья, конечно, у меня были и даже довольно много. А еще была у меня школьная подружка Людмила, с которой мы в институтские годы встречаться стали реже, но уж если встречались, то всегда нам было о чем поговорить, расходились полночь.

Подружились мы с ней еще в школьные годы на любви к стихам: когда все девчонки зачитывались Есениным да потом еще Асадовым, мы с нею доставали стихи Ахматовой, Цветаевой и Мандельштама. Еще мы обе любили Киплинга,

и была у нас любимая песенка на его слова, к которой мы музыку подобрали и распевали вдвоем под гитару моей подруги:

А в солнечной Бразилии,
В Бразилии моей,
Такое изобилие
Невиданных зверей!
Бразилия, Бразилия,
Владычица морей,
Увижу ли Бразилию
До старости моей?

Так вот, как-то уже в институтские годы прихожу я к моей Людмиле, а она в фанерный ящик посылку собирает и пресвело так напевает нашу песенку, но совсем с другими словами:

А в сказочной Мордовии,
Мордовии моей,
Такое изобилие
Порядочных людей!
Мордовия, Мордовия,
Владычица идей,
Увижу ли Мордовию
До старости моей?

Только, милые женщины, давайте уговор: то, что я вам

сейчас расскажу, сразу же забыть и не вспоминать ни при каких обстоятельствах! Лишнего я все равно не болтаю и имена все изменю, но на всякий случай лучше предупредить. Вас, Валентина, это в первую очередь касается. Государственных тайн я все равно не знаю, так что пускай ваша партийная совесть спит себе спокойно, но расскажу кое-что такое, о чем где попало и с кем попало болтать не стоит. Договорились? Тогда я продолжаю.

Догадывалась я еще и прежде, что подружка моя связалась с диссидентами: то новость такую расскажет, какую из газет не вычитаешь, то перескажет книжку, о которой все говорят и никто толком сказать не может, потому что не читал никто, а издана она за границей. Да она своих взглядов от меня особенно и не скрывала.

В другой раз захожу я к своей Людмиле, а она сидит в слезах над столом, на котором разложены редкостные продукты: колбаса копченая, банки растворимого кофе, какие-то консервы с иностранными этикетками, даже банка черной икры. «Что же ты, спрашиваю, Людмила, над таким богатством сидишь и слезы льешь? Нелогично». Тут Людмила подняла голову, поглядела на меня внимательно и говорит: «Кажется, Галка, тебя мне Бог послал. Слушай, какая история. Про последнее “самолетное дело” знаешь?» – «Знаю, ты рассказывала». – «Так вот, я два года ездила на свидания к одному парню, получившему кошмарный срочище по этому делу». – «Куда ездила?» – «Как куда? Во Владимир, в центральную

политическую тюрьму. Под видом невесты. Родственников у него – одна мама старенькая, больная, из дому не выходит. Я добиваюсь разрешения на брак, но пока не дают. Сейчас его перевели в лагерь, подошло время свидания, а никак не могу ехать: маму в больницу вчера положили, скорее всего будут делать операцию. Ехать за меня совершенно некому, да и не пустят никого, потому что в деле у него одна я записана. Мы с тобой немного похожи, возраст одинаковый – поезжай за меня!»

Сначала я просто опешила. Испугалась, конечно: шутка ли, в политический лагерь ехать! Но Людмила так ревела, так жалела того парня и так убивалась, что мать ей тоже не на кого оставить, что я начала колебаться. Она мне его письма дала почитать, а в них столько благодарности за заботу, столько тепла, что и мне его жаль стало. Думаю, будет ждать человек, мучиться, а никто не приедет... К тому же с Людмилой мы действительно похожи, в детстве нас даже за сестер принимали: обе типичные ленинградки, голубоглазые и светловолосые... Да и романтично! И я решилась на эту поездку.

Людка от радости меня чуть не съела, стала вперемежку с поцелуями рассказывать, что делать, куда ехать, кому что говорить... Ну, еще кой-какие подробности, о которых я умолчу.

Добиралась я в эту распроклятую Мордовию разве что чуть легче, чем декабристки в Сибирь ездили. Сумки с про-

дуктами руки оттягивают, транспорт – что поймашь, обстановка незнакомая и какая-то полудикая, непривычная... Честно говоря, страшно было. Если бы не Людка и ее большая мама, я бы назад повернула, наверное... Но ведь нельзя! Да и человек ждет, хоть и незнакомый еще, но уже вроде как и не чужой... Нашла лагерь и еще больше испугалась: как в кино про фашистов... Попрошу, Валентина, без комментариев! Лагерь есть лагерь, и под звездой он или под свастикой – это для тех, кто там сидит, одинаково, наверное. Не забывайте, сколько ваших коллег, партийных деятелей, прошли через это. Нет, я не у Солженицына вычитала, хотя его я тоже читала. Эго ваш Хрущев с высоко-о-кой трибуны всенародно объявил. Вот и молчите! Впрочем, рассказ не об этом, а о первой любви.

Оформили мне какие-то бумаги и, едва живую от волнения, повели через лагерьный КП – контрольный пункт – в комнату для свиданий. В комнате этой посередине стоял длинный стол и стулья по ту и по эту сторону. Усадили меня на стул и велели ждать. Осталась я одна, сижу и дрожу. Думаю: а что же мне делать, когда «жениха» приведут? Как с ним поздороваться, чтобы он догадался, что я – вместо Людды? Вдруг он спросит: «Кого это вы ко мне на свидание привели? Никакая она мне не невеста!» Или приведут не его, а кого-нибудь другого? Вдруг тут, в этой комнате, еще одно свидание должно состояться? Что будет, если я чужого брата или мужа женихом назову? И вообще, как мне с ним здоро-

ваться, просто так или обнимать придется? Разволновалась я до того, что с меня пот начал градом лить. Думаю, сейчас заваляю я это свидание, посадят меня с Людкиным-то паспортом, а за мной и саму Людку, лет на десять! И как только я увидела, что охранник пропустил в комнату высокого парня в эковском костюме, кинулась я ему на шею с воплем: «Славочка! Любимый!» и начала целовать его не разбирая куда. А сама на ухо шепчу ему: «Я вместо Люды приехала, с ее паспортом... Он меня тоже обнял, смотрит мне в лицо, глазами хлопает. Да вдруг как прижмет к себе, как начнет целовать – я чуть сознание не потеряла. А он мне шепчет между поцелуев: «Передайте Люде, что Гек в больнице в тяжелом состоянии. Нужна операция, а его кормят анальгином. Боимся за его жизнь. Срочно нужно шум поднять».

Развел нас охранник по обе стороны стола, сам сел неподалеку, слушает, о чем мы говорить станем. А нам и говорить-то не о чем. Два раза я его о здоровье спросила, два раза он меня. Помолчали минуты две, а потом меня осенило, и я давай ему про настоящие дела рассказывать: что у меня, слава Богу, все здоровы, а вот у подружки моей мама тяжело заболела, подозревают рак, возможна операция прямо на днях. Потом перешла к моим делам: дачу на это лето снимал не папа, а я сама, и потому она будет в этом году не в Зеленогорске, а в Токсово, причем в довольно комарином месте, на озере, рядом с большим трамплином. Он вдруг оживился, голос потеплел:

– На озере Хеппо-ярви?

– Ну да, прямо на полуострове за трамплином.

– Специально выбрала место, где моя бабушка живет или нечаянно?

– Нечаянно! У меня все нечаянно получается! Ты уж не сердись на меня, нескладеху...

– Чего ж тут сердиться, я просто счастлив. Вы с бабушкой моей обязательно подружитесь. Кстати, ты поразительно хорошела с нашей последней встречи!

А надо вам сказать, что Людка хоть и похожа на меня, но куда интересней и за собой следит, а я так, синий чулочек... Я смущаюсь, а Славик такими глазами на меня смотрит, прямо в душу заглядывает! Так на меня никто и никогда еще не смотрел. Тут у меня последние сомнения отпали на тот счет, правильно ли я делаю...

Валентина, я вас просила! Я про вашу образцово-показательную семью слушала, не перебивая. Неужели вы не понимаете, что о политике еще не было сказано ни слова? Мы о любви говорим и только о любви. Остальные хотят слушать? Тогда я продолжаю, а вы, Валентина, можете пока книжку почитать. А еще лучше – газету.

О чем мы еще в то наше первое свидание говорили, я уже теперь плохо помню. Два часа пролетели как две минуты. Да-да, это я всего за двумя часами в такую даль добиралась! Славик опять подошел ко мне, взял за плечи и тихо один раз поцеловал в щеку, а потом еще руку поцеловал. И вот

эти-то два последних поцелуя самые страшные для меня и оказались.

Увели его. А из продуктов охранник разрешил ему взять только яблоки и немного колбасы. И это еще добрый попался, другие потом и того не разрешали. Пришлось остальное назад тащить, потом другим политзаключенным пошло.

Вернулась я в Ленинград сама не своя. Людке все рассказала, про Гека передала, отчиталась. Потом стала к ней чуть не каждый день забегать. Та удивляется, а я стесняюсь спросить, нет ли письма от Славика. И вот однажды прихожу я к ней, а она мне и говорит:

– Тут письмо пришло от Славы. По-моему, это тебе... Взяла я письмо и читаю: «Дорогая Люда! Только на этом последнем свидании я понял, что всю жизнь мечтал о тебе и ждал тебя. Если это свидание должно было произойти в лагере, я готов благодарить судьбу за лагерь...» Много там было хороших слов, и все они мне, а не Людке предназначались. Поглядела на меня моя подружка и спрашивает:

– Кажется, у нашего Славы настоящая невеста появилась?

– Еще не знаю, но на всякий случай расскажи мне, как добиваться разрешения на брак с политзаключенным.

В следующий раз я поехала к Славику уже со своим собственным паспортом и очень боялась, что знакомый охранник попадется или начальник какой-нибудь, который меня в прошлый раз под другой фамилией встречал. Обошлось. А еще через три года мы получили разрешение на брак. Ан-

дрышку своего я тоже со свидания «привезла». А сейчас наш папа уже в ссылке, мы чуточку подрастем, окрепнем и к нему поедem».

– Так вот какие вы, диссиденты! – воскликнула Иришка, когда Галина закончила рассказ. – А я думала, какие-нибудь особенные...

– С волчьими ушами, что ли, чтобы «вражьи голоса» лучше слушать? – засмеялась Наташа. – Люди как люди. У нас тоже один работает. Раньше все подписи собирал, а теперь притих что-то. Время не то, видно... Или сядет, или уедет, так все считают.

– А еще я вот о чем думаю, девочки, – продолжала Иришка, ничуть не обидевшись на Наташу. – Интересно, кому приходилось хуже, декабристкам или женам политзаключенных при советской власти? Я думаю, что тогдашним женам было тяжелее, они ведь были аристократки, а наши больше привыкли к трудностям.

Все засмеялись, а Валентина возмущенно зашуриала «Правдой», из-за которой внимательно слушала каждое слово, звучавшее в палате.

– А мне так сдается, – вступила в разговор Зина, – что нынешним много тяжелее. Тогда все ж с продуктами полегче было. А теперь все хуже и хуже, ну, все как есть в очередь! Кроме газеты «Правда».

– Спасибо и на том! – засмеялась Эмма. – С чем бы мы

здесь в туалет, извините, ходили, если бы в родильном доме не положено было раздавать газеты для политпросвещения матерей?

— А мы раньше «Блокнотом агитатора» пользовались, — с мечтательной ноткой в голосе произнесла Иришка. — У него и формат был подходящий, и бумага такая мягкая, рыхлая... Мы его из почтового ящика прямо в туалет несли. Валентина, а почему «Блокнот агитатора» теперь на такой неудобной бумаге стали печатать? Наверняка ведь подписчиков потеряли, бумага чересчур плотная.

Валентина ничего не ответила, отшвырнула газету в ноги кровати и повернулась лицом к стене. Женщины переглянулись и затихли: нехорошо как-то получилось, не отвечать же Валентине и за жесткую бумагу «Блокнота агитатора»...

Но Галина прервала тишину:

— Неля, а теперь, между прочим, ваша очередь. Вы нам обещали рассказ тоже о лагере, только фашистском.

— Да, только это будет рассказ вовсе не о первой любви, а рассказ о маминной шубе. Но зато из него вы поймете, почему у меня никогда не было первой любви в обычном понятии.

И Неля начала свой рассказ.

История восьмая,

рассказанная учительницей музыки Нелей, новелла, в которой тема первой любви неожиданно для автора сменяется темой первой ненависти, а еще она отличается от других тем, что имеет посвящение – поэту Науму Коржавину, написавшему потрясающее стихотворение о детях в Освенциме – «Мужчины мучили детей», и стихи эти, безымянные, ходят в списках по женским лагерям СССР

Я родилась во Львове перед самой войной. Мама у меня была еврейка, а отец поляк, но я себя считаю только еврейкой, и не потому, что у евреев национальность считается по материнской линии, а так... Ну, вы все сами поймете из моего рассказа.

Родители оба были музыканты. Единственная картинка, которая запомнилась мне из той жизни, – мама играет на рояле. Потом наступила такая жизнь, что я это воспоминание долго считала сном: ведь не могло же быть, чтобы когда-то было так хорошо! Мне снилось открытое окно, а в нем ветер раздувает легкую белую занавеску. Она влетает в комнату и задевает край рояля. За роялем сидит мама, очень красивая, в светлом платье, и играет. Она иногда поворачивает ко мне улыбающееся лицо и чуть наклоняет голову в такт музыке. И везде – на черной блестящей крышке рояля, на мамином

шелковом платье, на желтом полу, который так хорошо пахнет, – танцуют под музыку солнечные зайчики. Их много, потому что за окном качается высокое дерево. На нем танцуют листья и танцует занавеска в окне, и я тоже танцую в своей кровати. Конечно, я просто прыгала, держась за деревянную решетку, приседала, но в памяти так и осталось – я танцую. Потом как-нибудь я вам расскажу, как позже я поняла, что это все же был не сон...

Ну вот. А потом началась война и все мои осмысленные воспоминания связаны с нею. Во Львов пришли фашисты, и начались повальные облавы на евреев. Наш отец – это мама позже рассказала, когда я подросла, – решил, что самое лучшее для нас собрать вещи и пойти с утра на вокзал, как было приказано всем евреям. «Для нас» – это значило для мамы с тремя детьми. Мне тогда было два года, сестре Гене семь лет, а брату Левушке – девять. А на отца приказ о евреях не распространялся, он ведь был поляк, как я уже говорила...

Мама стала плакать, она очень испугалась за детей.

– Что ты так разволновалась? – возмущался отец. – Немцы цивилизованная нация, ничего плохого они вам не сделают. Вас эвакуируют в безопасное место где-нибудь в Германии, вы мне оттуда напишете. Не забудь сразу же сообщить им, что ты известная пианистка – может быть, они тебе организуют гастроль по Германии. Это же культурные люди, Бася, я не понимаю, отчего ты впадаешь в панику?

Но отец маму не успокоил. Она сказала ему, что пойдет

к родственникам узнать, что они собираются делать, и побежала к дяде Арону за советом.

Дядя Арон был очень умный человек. Он всем потихоньку говорил, что единственный способ уцелеть еврею в этой обстановке – это внимательно следить за всеми фашистскими приказами и делать все в точности наоборот. Когда мама вошла в дом дяди Арона, она увидела, что вся его семья занята сборами.

– Неужели вы тоже хотите идти на вокзал? – удивились она.

– Ни в коем случае! – ответил дядя Арон, – Мы уходим под землю.

Оказалось, дядя Арон и еще несколько смелых и сообразительных евреев раздобыли где-то карту канализационной системы Львова и решили выйти по трубам к руслу подземной реки, протекающей под городом. Дядя Арон велел маме собрать все необходимое, взять побольше еды, потеплее одеться и ночью прийти к нему вместе с детьми. Отцу он приказал ничего не говорить, а просто объяснить ему, что все родственники решили явиться на вокзал вместе, чтобы не потеряться потом в дороге.

Отец маме поверил и не стал вмешиваться в ее сборы и тем более не собирался нас провожать. На улице еще было тепло, но мама достала из гардероба свою котиковую шубу и нас тоже обрядила во все зимнее.

Глубокой ночью мы пробрались к дому дяди Арона; это

было опасно, потому что по городу ходил патруль. А позже мы вместе с его семьей и еще несколькими евреями пробрались задворками в какой-то глухой двор. Там уже был открыт канализационный люк, и мы все по одному спустились в него по железной лестнице до самого дна, а там нас уже встречали двое мужчин с фонарями. Самых маленьких снесли вниз на руках и старенькую маму дяди Арона, которая уже не ходила, тоже. Внизу нас повели по холодному и сырому подземелью куда-то в темноту...

Из нашей подземной жизни – а она продолжалась несколько месяцев – я мало что помню. Там было темно, горели слабые самодельные коптилки, везде капала вода и стоял отвратительный запах. А сверху иногда к нам доносился звон трамваев и колоколов. Дети плакали и просились наверх. Я тоже не хотела там оставаться. Мама говорила, что ей все время приходилось держать меня на руках: стоило на минуту отпустить, как я пыталась куда-то уйти. А еще там всюду бегали огромные крысы. Они охотились за нашими продуктами, и маме приходилось держать на коленях не только меня, но и наш мешок с едой. Ни Левушке, ни Гене она не могла его доверить, потому что от плохого воздуха они все время засыпали, и тогда крысы грызли мешок. Но однажды, когда у нас оставалось уже совсем мало еды и мама прятала мешок на груди под шубой, крысы все-таки нас ограбили. Мама то ли крепко уснула, то ли потеряла ненадолго созна-

ние, и крысы прогрызли ее шубку, потом мешок и утащили все, что там оставалось. Потом мама нашла у кого-то иголку и сделала из пустого мешка заплатку на шубу. С голода нам умереть не дали, а в шубке с большой заплаткой на животе мама и в лагерь прибыла, где над ее видом очень смеялись немцы. Зато и не отняли!

Нас погрузили в вагоны и повезли в лагерь. Конечно, для всех это было большое горе, но только не для маленьких: мы ничего не понимали и только радовались солнцу. Правда, первое время мы и смотреть на свет не могли – глаза болели, но скоро это прошло.

В какой лагерь, спрашиваете? В обыкновенный. Фашистский концентрационный лагерь Освенцим. Да, в конце концов немцы нас все же выследили с собаками и взяли. Но не всех. Две семьи успели уйти и спастись. Говорят, это были единственные евреи, уцелевшие во Львове.

Про концлагерь я вам рассказывать не буду. Вы из кино и книг больше меня знаете, а я ведь совсем маленькая была и сама почти ничего не помню. Только одно хорошо запомнилось: как мы, дети, попавшие в женский барак вместе с матерями, боялись мужчин. Мы твердо и точно усвоили: женщины – это защита, мужчины – страшная опасность. Они могли избить, могли убить на месте, пристрелить, как щенка, ребенка только за то, что он громко заплакал. А самое страшное – они могли разлучить с мамой. Мы боялись отойти на шаг от матерей, старались все время держаться за юбку или

за руку.

Левушку от нас забрали в мужской барак, и больше мы его не видели. А Геня скоро заболела, ее забрали в больницу, а оттуда в крематорий. Осталась я у мамы одна. Нам повезло, мы выжили и даже вернулись во Львов. Но в нашей квартире отец поселил уже свою новую жену, и у них даже успел родиться ребенок. Он дал матери денег на дорогу и посоветовал ехать в Ленинград, где жили ее родственники. Обещал платить на меня алименты. Но мама отказалась: деньги тогда ничего не стоили, она думала, что в Ленинграде сразу же найдет работу. Музыкантша, вы подумайте! Такая наивность ее и погубила в конце концов. Когда я думаю о маме, всегда удивляюсь, как она, такая неприспособленная, ухитрилась сохранить мне жизнь.

Да, но я еще вот что хотела сказать вам об Освенциме. Как-то наши женщины узнали, что готовится приказ о ликвидации всех еврейских детей. Нас уже оставалось совсем мало, все почти умерли, как ни берегли нас женщины. И тут мама приказала мне не отходить от нее ни на шаг, а заведя «дядю» – все равно какого, бежать к нашему месту на нарах и залезать под матрац. Я была такая худая, что на матраце, рассказывала мама, и бугорка не было видно там, где я лежала. Ах, как трудно было маме отучить меня потом от этой привычки! Уже я все понимала, уже мы как-то устроились в Ленинграде, но если чужой мужчина заходил к нам в комнату – управдом или сосед, например, я тут же молча бежала

к маминой кровати и лезла под матрац.

Подросла я и пошла в школу. Под матрац прятаться перестала, но безумный ужас перед мужчинами у меня так и остался. В школе я училась отлично по всем предметам, кроме рисования – его вел учитель. Когда директор проходил мимо меня по коридору, я вжималась в стенку, а если заговаривал – не могла ответить ни слова, и его-то слов со страху не слышала.

С годами это почти прошло. Но когда я стала девушкой, я никак не могла понять моих подруг: как это они могут испытывать какие-то нежные чувства к молодым людям? А если какой-то мальчик пытался за мной ухаживать, я тотчас мысленно примеряла на него эсэсовскую форму. Конечно, рассказы матери об отце тоже посеяли у меня недоверие к мужчинам, но самое страшное было вот это крепко усвоенное в лагере: если идут мужчины – надо прятаться, иначе быть беде.

Как же, спросите, я с таким вот страхом все же вышла замуж? Очень просто. После смерти мамы родственники дали мне возможность доучиться в музыкальной школе, а потом я поступила в училище. Тут меня начали сватать, чтобы поскорее устроить мою жизнь. Они все уже старые были, мои дяди и тети, хотели поскорей до конца довести то, что маме обещали, – поставить меня на ноги и устроить. Знакомили меня с какими-то красивыми и ловкими молодыми людьми, тоже евреями, которые хотели жениться на ленинградке. Многим

я нравилась, но я каждый раз плакала, что огорчаю своих родных, и отказывалась. А однажды пришел к одному из моих дядей его друг, сорокалетний вдовец, тоже хотел жениться, просил подыскать ему спокойную добрую женщину, которая могла бы заменить мать его двенадцатилетней дочери. Вот этого человека я не испугалась, потому что мне страшно жалко стало девочку: я ведь тоже в двенадцать лет осиротела. Борис Николаевич на меня и внимания не обратил, сидит девчонка в уголке и слушает. А когда он ушел, я набралась смелости и сказала дяде, что вот за этого человека я бы вышла замуж без страха. Дядя удивился и попытался меня отговорить: «Ты сама еще ребенок, где тебе дочь воспитать!» – и отказался меня сватать. Но тут я совершила единственный героический поступок в своей жизни. Как только Борис Николаевич пришел еще раз к дяде вместе с дочерью, я зазвала Ленусю к себе в комнату и все прямо ей сказала: и кто я сама и что хочу заменить ей мать. Ленуся моя расплакалась, обняла меня и тут же назвала мамой. Ну, а с папой своим она нас за неделю сосватала. Стали мы жить втроем, и страхи мои скоро меня оставили, разве что когда приснится что... Вот. А первой любви так и не было, как видите...

Все женщины пригорюнились, слушая рассказ Нели, а Иршика всхлипывала в платочек и шмыгала своим курносым носом, как младенец.

Бичиха Зина качала головой и приговаривала:

– Вот сволочи, вот ведь сволота какая... Сейчас в лагерях детишкам, конечно, тоже не сладко приходится, но все же таки свои – не фашисты, хоть не стреляют.

– А ты про какие лагеря говоришь, Зина?

– Да про наши, советские, в которых «дэмээры» есть, бараки для детишек то есть. По-казенному Дом матери и ребенка. Если попадает зэчка с дитем или в лагере родит – его туда, в «дэмээр» этот. Подвезло мне, что сейчас не сижусь, а то бы и мою дочку на казенный харч определили.

– Ты нам расскажешь про женские лагеря, Зин?

– Ой, не сегодня, девоньки! Два лагеря на день – это уши свянут. В другой раз. Сейчас вон Эмма пускай рассказывает, она этого дела затейница, вот ее и послушаем.

И Эмма тут же начала свой рассказ.

История девятая,

рассказанная театральным режиссером Эммой и поведующая о первой любви, объектом которой она стала, о соблазненном и покинутом художнике сцены и о том, что порой тому, кто соблазнил и покинул, тоже не позавидуешь

Я вам расскажу о том, как сама стала предметом первой любви, причем любви самоотверженной и, если хотите, даже в какой-то степени безумной.

Первый мой брак, еще студенческий, был и неудачен, и недолог: через год развелись, благо, новые законы вышли, ускоряющие этот душетравнительный процесс. Расстались мы с моим сокурсником, и я сразу же вышла замуж за другого, тоже актера, но уже знаменитого в прошлом и пожилавшего остатки былой славы. Сейчас он вовсе спился и исчез с моего горизонта, но тогда я считала, что брак у нас очень удачный. Единственное, что меня изводило до бешенства, это его постоянные любовные истории. Как только ему давали новую роль, он тотчас влюблялся в партнершу по сцене. Билась я билась с ним и решила, что единственный для нас выход, если я хочу сохранить этот брак, – ехать играть в провинцию. Дали мне место режиссера в только что открытом театре в одном из новых городов Сибири. Бросили мы Ленинград и поехали. Муж соблазнился тем, что в провинции, да

еще при жене-режиссере, ему обеспечены все главные роли. Так оно и вышло. Начала я прямо с постановки «Ромео и Джульетты», и он получил роль Ромео, хотя по возрасту и по виду уже годился разве что для Фальстафа. На Лира он не тянул талантом. И как легко догадаться, начал он изучение роли с того, что влюбился в Джульетту. А Джульетта у нас была само очарование: молоденькая девочка, только что кончившая театральное училище, глаза на пол-лица, фигурка точеная. От моего поношенного Ромео она, естественно, пришла в бурный восторг. Его потому на молоденьких и тянуло, что женщина постарше вмиг бы разглядела всю мишуру его чувств. Начался для меня ад. Провожу репетицию, а мой мерзавец, ничуть не стесняясь, своей Джульетте глазки строит, ручки пожимает, а роль, между прочим, ведет скверно: и слов не помнит, и все интонации у него фальшивые. Ну какой же Ромео в сорок с лишним, подумайте сами! Актеры, помреж, рабочие сцены – все всё видят и на меня косятся, кто сочувственно, а большинство со злорадным любопытством. Я же стараюсь взять себя в руки и сделать хороший спектакль. Словом, дохожу до полного нервного истощения, а до первого прогона еще работать и работать.

И тут, когда нервишки у меня совсем стали сдавать, вдруг замечаю я, что наш театральный художник Алеша, совсем молоденький мальчик, поглядывает на меня грустными влюбленными глазами. Заметила, и мне стало легче жить. Как только мой престарелый Ромео начинает при всех на ре-

петиции куры строить глупенькой Джульетте, я только посмотрю на Алешу – и успокаиваюсь.

Однажды Алеша задержался после репетиции, дождал меня – я из театра последняя уходила – и объяснился в любви. Я молча погладила его по щеке и ушла. Но он продолжал просиживать все репетиции, не сводя с меня глаз.

Наступил день премьеры. Спектакль мой прошел с триумфом, местная городская знать устроила нам банкет. И вот на этом банкете мой Актер Актерыч, разогретый аплодисментами, заявил мне, что бросает меня и уходит к своей Джульетте. Выбрал времечко для семейного конфликта. С горя я отправилась после банкета с Алешей гулять по городу, а потом пошла к нему в его комнатенку, которая у него была при театре, да и осталась до утра. А утром, как только я глаза открыла, он и спрашивает: «Когда мы с тобой поженимся?» Я на него удивленно поглядела и отвечаю, что это невозможно.

– Ты не смеешь мной играть, – вспыхнул он. – Это тебе не театр! Если ты сегодня не останешься со мной навсегда, я покончу с собой.

Я плечами пожала.

– Из бутафорского пистолета застрелишься? В добрый час.

И ушла.

Прихожу через пару часов на репетицию – Алеши нет. Вот и хорошо, думаю, спокойно поработаю. И вдруг прибегает наш администратор и сообщает, что Алешу увезли в больни-

цу на промывание: отравился каким-то снотворным. Первая мысль моя была: «Да как он посмел! Что ж это он меня на посмешище выставляет?» Кто-то из молодых актеров побежал в больницу узнавать, а я взяла себя в руки и провожу репетицию как ни в чем не бывало. Только сердце ноет. А вечером мне говорят, что Алеша при смерти, слишком много он хватанул этой гадости. Тут я не выдержала, побежала к нему. Узнав, что я его начальство, меня пропустили в палату. Он едва в себе был, но меня узнал, глазенки заблестели. Шепчет: «Теперь ты меня не покинешь?» – «Не покину, не покину!» – отвечаю, а сама думаю: как же мне теперь быть-то с этим дурачком?

Пока Алеша болел, я добилаь перевода в Ленинград. И что же вы думаете? Он, как только поправился, тотчас уволился из театра и помчался ко мне. И началось что-то вовсе кошмарное: работы у него в Ленинграде нет, жить ему негде, скитается невесть где и каждый день звонит мне по телефону. Как-то я ему говорю: «Алеша! Ведь ты не девушка, которую я соблазнила и с ребенком бросила. Как тебе не стыдно, будь же ты мужчиной!» Не понимает, дурачок. Говорит: «Если бы у нас был ребенок, я бы взял его себе и мне бы легче было». Кончилось тем, что я от этой заботы в нервную клинику должна была лечь. Только это Алешу и остановило, заставило уехать из Ленинграда – он за меня перепугался. А я теперь иногда думаю, когда слышу истории о соблазненных и покинутых: «Интересно, кому из них хуже, ей или ему?»

И знаете, я предпочту трижды покинутой быть, чем еще раз
этакий шквал чужой любви выдержать. Бог с ней, с этой лю-
бовью! Предпочитаю ее видеть на сцене, где кинжалы кар-
тонные, а яд – подкрашенная водичка.

*Посочувствовали женичины: кто Алексе, а кто и самой
Эмме.*

Тут подошла очередь рассказывать Иришке.

История десятая,

*рассказанная секретаршей Иришкой, повествующая о
безумных страданиях юных влюбленных, но заканчивающаяся
хэппи эндом*

Мы встретились с моим будущим мужем Сережей на пляже у Петропавловской крепости. Был жаркий день, все купались, а у меня болело горло. Я сидела на стволе упавшей ивы возле самой воды, и мне было жарко и грустно. Вдруг ко мне подбежала огромная черная собака чау-чау и стала меня обнюхивать. Я боюсь незнакомых собак и потому замерла, вспомнив, что говорил отец: «Если боишься собаки, то старайся не двигаться и не показывай виду, что боишься». И тут я услышала веселый голос:

– Мишка! Разве можно пугать такую красивую девочку? Посмотри, она почти такая же красивая, как ты.

Хозяин собаки подошел к нам и сел рядом на бревне.

– Ты не рассердишься, если я посижу здесь, пока Мишка купается?

– Сиди сколько хочешь. А почему ты сам не купаешься со своим Мишкой?

– Мне нельзя, горло болит. А ты почему?

– У меня тоже горло.

– Тогда давай вместе смотреть, как купается Мишка.

Мы сидели и смотрели. Потом Мишка выбежал из Невы, подбежал к нам и стал отряхиваться. Из его кудлатой шерсти на нас полетел целый фонтан воды, нам стало весело и уже не так жарко.

– Тебя как зовут?

– Ира. А тебя?

– Сережа. А вот там загорает моя мама. Хочешь, я вас познакомлю? Пойдем к ней.

Мы подошли к Сережиной маме, и он сказал:

– Мама, посмотри, какую красивую девочку нашли мы с Мишкой! У нее такие красивые глаза, даже красивее, чем у Мишки, правда? У нее глаза, как у коровы. Можно, я на ней женюсь?

Сережина мама сказала, что можно, только чуточку попозже, а пока она угостит нас клубникой. Она достала из сумки стеклянную банку с ягодами и протянула ее сыну, а Сережа стал выбирать и отдавать мне самые крупные клубничины.

– Ты почему мне отдаешь самые хорошие ягоды? Это же несправедливость.

– Потому что у тебя болит горло.

– У тебя тоже болит!

– Это не считается. Я мужчина и все равно сильнее и здоровее тебя. И вообще я теперь всегда буду о тебе заботиться. Ты согласна?

– Хорошо, заботься.

Потом я повела Сережу знакомиться с моими сестрами и тоже сказала, что он на мне женится и что ему мама уже разрешила. Сестры над нами смеялись, но как-то даже и не обидно. По-моему, они просто немножко завидовали мне.

Нам было пора уходить, мы стали собираться.

– Ты придешь сюда завтра? Я каждый день гуляю с Мишкой возле того дерева.

– Приду, если мама меня отпустит без сестер. А еще ты можешь мне позвонить, у нас есть телефон. Запомни номер.

Я сказала Сереже номер нашего телефона, и он много раз повторил его, чтобы не забыть.

А назавтра я заболела еще хуже: после ангины у меня стало плохо с сердцем и меня положили в больницу. Я лежала и плакала о том, что Сережа и Мишка ждут меня напрасно у дерева и грустят. Я вспоминала тот день и думала, что мы уже никогда больше не увидимся. А еще я плакала потому, что из-за болезни меня остригли наголо и я уже больше не была похожа на Мишку. Это были самые печальные дни в моей жизни.

Но однажды в палату пришла сестра и велела мне надеть халатик и выйти в коридор: «Там к тебе пришли посетители!» Я удивилась, потому что мама в этот день ко мне уже приходила. Но это оказался Сережа со своей мамой. Когда он увидел, что меня совсем остригли, он разревелся и сквозь слезы сказал роковые слова:

– Ты теперь больше не похожа на Мишку! Они тебя со-

всем ухудшили!

Я подумала, что Сережа больше меня не любит и никогда на мне не женится. Отвернувшись и заплакав, я пошла в палату. И это была самая трудная и горькая минута в наших с ним отношениях. Я шла к дверям палаты и думала, что вот сейчас умру. Но он меня догнал у самых дверей.

– Что же ты уходишь? Мы ведь тебе виноград принесли. Мама сказала, что ты от него сразу поправишься. Пойдем к ней!

Потом, когда мы сидели на скамейке в коридоре и ели виноград, Сережа сказал мне: «Ты теперь совсем некрасивая, но такая жалобная-жалобная! Ну прямо как мокрый котенок!» А его мама сказала, что нечего девочку все время сравнивать с разным зверьем, что обижать меня она ему не позволит. И правда, потом она всю жизнь так и делала, защищала меня, если ей казалось, что Сережка меня обижает. Только он по-настоящему меня не обижал, и больше в нашей жизни драматичных моментов не было. В школе мы на одной парте все десять лет просидели, а после школы почти сразу и поженились. Вот такая была моя первая любовь. Только почему «была»? Она продолжается...

Этой историей и закончился первый день нового, как шутили рассказчицы, «Женского Декамерона». Тут как раз на двух столах-колясках привезли ребятишек, раздали их мамам, и те принялись кормить своих крохотных сыновей и

дочерей. А на завтра уговорились рассказывать истории о соблазненных и покинутых, поскольку Эмма всех заинтриговала необычной постановкой вопроса: кому хуже – соблазненному или соблазнителю, покинутому или покинувшему? Это ведь только на первый взгляд кажется, что выбирать тут не из чего – хуже всех тому, кого покинули. Но посмотрим, что завтра расскажут нам наши женщины. А вы сами пока тоже вспомните случаи на эту тему, с которыми вы сталкивались в жизни или о которых слышали от кого-то, и вы согласитесь, я уверена, что однозначного ответа на этот вопрос жизнь все же не дает. Как, впрочем, и на многие другие. Итак, до завтра!

День второй, глава вторая,

в которой рассказываются истории о соблазненных и покинутых

Второй день Женского Декамерона начался куда веселее, чем первый: уже с утра женщины готовились к вечерним рассказам и не унывали, а когда долгожданный вечер наступил, дети были накормлены и увезены спать в детскую палату, женщины улеглись поуютнее в своих постелях, и Лариса первой начала рассказ.

История первая,

рассказанная биологом Ларисой и представляющая собой просто-напросто анекдот

Я вам расскажу анекдот, который мне кажется ключом, открывающим психологическую основу всех историй о соблазненных и покинутых. Согласны?

– Давай, Лариса!

– Ну, слушайте. Лежат двое на травке в лесу. Он ее соблазняет, она осторожничает, но помаленьку поддается.

– Ты меня любишь. Ваня?

– Люблю, люблю!

– А женишься на мне?

– Женюсь, женюсь!

– Не оставишь с ребеночком?

– Не оставлю, не оставлю!

– А шубку купишь?

– Куплю, куплю!

– А в кооператив вступишь?

– Вступлю, вступлю!

– И на курорты будешь меня возить?

– Буду, буду!

– А зонтик подаришь?

...

– Уф-ф... А зачем тебе зонтик?

Женщины посмеялись над анекдотом, а несостоявшаяся «фрау» Ольга Зайцева заметила:

– Очень жизненный анекдот!

Бичиха Зина, чья очередь была рассказывать за Ларисой, сказала:

– Это точно, в жизни все так и есть. Я, девки, прямо с этого анекдота могла бы свою байку начать, но уж коли Лариса его первая выдала, так я начну издаля...

История вторая,

рассказанная Бичихой Зиной, как две капли воды похожая на историю ее собственной первой любви, из чего можно заключить, что солдатская любовь – дело непрочное и ненадежное. Впрочем, мы имеем в виду только любовь солдата к девушке, но отнюдь не к родине, коммунистической партии или идеалам интернационализма, так что обвинить нас в клевете на советскую армию никак нельзя, поскольку измена невесте и измена родине – две большие разницы, как говорят в Одессе

У нас в деревне жила такая Клавка. Ох, и бедовая была девка! За этой Клавкой солдатня наперебой ухаживала, но она себя блюла: чуть что – в морду и тикать. Приданого-то у нее одна целка и была, отец пропойца, а мать инвалидка. Вот она за целку свою обоймя руками и держалась. А чтоб не насильничал кто, она после танцев или кина не проводжалась, а шла домой с подружками, за которыми никто не ухаживал. Но, как говорится, чему быть – того не миновать. Приглянулась она старшине-сверхсрочнику из хохлов, и решил он своего добиться. С подходцем начал: дескать, вот машина у меня старенькая на Украине живет, сад и дом хороший имеет, а годы уже не те, помощница нужна... На это Клавка уши развесила, как трико на веревке. Позволила она

старшине провожать себя опосля танцев. Но в кустья с ним не шла, остерегалась. Так он ее хитрее заполучил, на мягкой родительской перине. Взял он и посватался к ней. Клавка рада, родители пуще – в сытые места девка едет, на юга. Выложились до крайности, последнюю овцу зарезали, кабанчика продали, в долг набрали деньгами и водкой, а свадьбу справили дочери по-людски. Расписываться старшина предложил дома, на Украине; мол, чего ж в солдатскую книжку штамп ставить, все одно ее сдавать – паспорт крепче будет. Клавка и сама знает, чем эти расписки по солдатским книжкам кончаются: дембель вышел – ни книжки, ни мужика.

Отгуляли свадьбу, стал наш старшина с молодой женой к матери своей собираться. Чемоданов накупил: какое ни есть, приданое Клавке собрали. Ходит он по дому и выглядывает, что бы еще в новые-то чемоданы прибрать: «Вы, мамаша, нам это вот отдайте да то, в молодом хозяйстве все пригодится!». Иконку со стены и ту прибрал: «А это у нас будет ваше родительское благословение!» Отправил добро малой скоростью поездом, взял себе с Клавкой билеты не в какой-нибудь, а в купейный вагон, и отправились наши молодые на счастливую новую жизнь. Мы, девки, Клавку провожаячи, завидовали: «Молодец девка! Не нам чета, раззявам».

Одначе рано мы ей позавидовали. Дня через два получает Клавкина мамаша телеграмму: «Мама, вышли денег и спроси в части адрес Михаила, дорогой потерялся». Хохот поднялся в деревне, как Клавкина мать стала телеграмму пока-

зывать. Но в части ей адрес матери Михаила дали, пожалели девку. Денег уж не знаю где она нашла, Клавкина мать, они ж с этой свадьбой как есть голые остались.

И приходит через месяц от нашей хитрой Клавки последнее письмо. Пишет она, что нашла село, где жил Михаил, и дом его ей добрые люди показали. Только из дома-то встречать ее вышла молодка с двухлетним пацанчиком на руках. Клавка наша заревела и давай ей рассказывать, как обманул ее Михаил, а та, как только взяла в толк, кто перед ней, ребенка – на травку, а сама хватъ грабли да и погнала Клавку со двора!

Вот такая была, как вы тут говорите, «соблазненная и покинутая» в нашей деревне. И где она теперь, никто у нас не ведает. Может, как я, по кривой дорожке пошла да в бичах теперь кантуется, баланды вдосталь нахлебавшись. А может, и вовсе сгинула, мне про то неизвестно.

Тут подошла очередь рассказывать Наташе, и она начала с предупреждения:

– История, которую я вам расскажу, очень похожа на Зинину, но конец у нее другой, счастливый. Только я прошу вас заметить, милые женщины, что для того, чтобы история моей соблазненной и покинутой обернулась хорошей стороной, нужно было невероятное стечение обстоятельств.

История третья,

рассказанная инженером Наташей, в которой все кончается свадьбой, но для этого нужно было случиться, чтобы великая доверчивость встретилась со столь же великой мудростью

Работала у нас в конструкторском бюро девочка-чертежница Света Парамонова. Девочка прехорошенькая, но наивная до невозможности. Верила, что конфеты «Птичье молоко» и вправду делают из молока птиц. Над нею так и подшучивали: «Девочка Светочка, птичьим молоком вскормленная».

Однажды прислали к нам в командировку симпатичного парня из Армении, из Еревана. Стал он за нашей Светочкой ухаживать и, смотрим, не без успеха. А пара – загляденье! Светочка вся беленькая, как одуванчик в пуху, а он красавец-горец с томными черными глазами. Ухаживал, ревновал смертельно, так глазами и сверкал на всех, а потом наобещал дурочке, что едет мать с отцом предупредить, чтобы к свадьбе готовились, – и уехал, оставив нашу девочку с пузиком. Светочка ждет-пождет: ну как же, Рафик сказал, что вернется, значит, надо терпеливо ждать. Мало ли, говорит, какие у них там долгие переговоры с родителями идут, какая длительная подготовка к свадьбе. Словом, пока Рафик

«к свадьбе готовился», Светочка наша благополучно родила мальчика. Только чуть окрепла, стала в дорогу собираться. Мы ей: «Не дури! Ты уже мать, нельзя тебе быть такой доверчивой, ты же не за одну себя отвечаешь. Куда ты с ребенком попрешься?» Ничего слышать не хочет: «А вдруг он заболел или еще что-нибудь нехорошее случилось?» Поехала в Ереван, даже не зная адреса. А через месяц получаем мы свадебную фотографию: сияют оба с Рафиком, будто так и надо, будто так эта свадьба и планировалась. «Надо же! – говорят у нас в отделе. – Неужели наша Светочка была хитрее, чем нам казалось? Как она сумела этого парня прижать?»

Летом кто-то из наших поехал отдыхать в Армению, взял да и заехал к Светочке. Тогда-то все и выяснилось.

Оказывается, эта дурочка со своим малышом заявила прямо к родителям своего Рафика и спрашивает, где он. Ей отвечают, что Рафик в командировке в Москве.

– А вы кто?

– А я его жена, а вот это маленький Рафик, его сын. Здравствуйте! А вы наша бабушка, а вы – дедушка, да?

Старики растерялись. А Светочка – ни капельки.

– Я так рада, что нашла вас! А что было с Рафиком? Его что, в такую долгую командировку послали или он болел? Почему он не смог приехать за нами?

Мать этого Рафика умницей оказалась. Она взяла внука, понесла в дом, незваную невестку накормила, а за ужином все, слово за словом, у нее выпросила. Поняла она, что за

дителя перед нею, и старику рассказала.

Через месяц возвращается Рафик, а в саду у них столы расставлены, гости сидят, ждут.

– Что это, мама? Свадьба сестры, что ли?

– Нет, это твоя свадьба, сыночек.

Тут из дома выходит отец и выводит к нему счастливую Светочку. Кинулась к нему наша дурочка, обнимает и кричит: «Что же ты не написал про свои бесконечные болезни и командировки, я же так волновалась! Еще бы немножко, и я бы стала в тебе сомневаться!»

Старик на эти слова погрозил Рафику кулаком и грозно сверкнул очами: смотри, мол, сам, какого ребенка хотел обмануть! Рафик послушно кивнул ему – и свадьба пошла своим чередом.

Так наша девочка Светочка и не узнала никогда, что была и соблазненной и покинутой. Счастливый человек!

После Наташи должна была рассказывать Валентина, которую женищины успели за глаза окрестить Номенклатурицей. Все обернулись к ней с некоторой опаской: неужто опять начнет читать лекцию на моральную тему? Но опасения их оказались напрасными.

История четвертая,

рассказанная Номенклатурицей Валентиной. Это одна из фантастических «выездных» историй, хотя надо сказать, что вся история эмиграции из Советского Союза – сплошная фантастика

Есть, знаете ли, в ведении депутатов трудящихся порой такие дела, о которых даже мало кто слышал, так редко они в жизни встречаются. Например, установление отцовства: если человек был женат, имел детей, но умер, а какая-то женщина пытается доказать, что она после его смерти родила от него ребенка. Дела такие бывают в нашей практике редко и почти всегда остаются без удовлетворения, даже если их через суд пытаются разрешить. Тут все так трудно доказуемо, что и суды в тупик становятся. На Западе, говорят, такие вопросы решает научная экспертиза, но у нас этого пока нет. Но вот однажды одно такое дело было решено и положительно, и очень скоро.

Приходит к нам старая женщина и говорит: «У меня женатый сын погиб в автокатастрофе, а от него сейчас вот должен родиться ребенок у студентки филологического факультета университета. Мы бы хотели, чтобы наш внук носил имя сына и был зарегистрирован. Можно это сделать?» Отвечаем, что можно, но если есть вдова, то она должна подтвердить,

что покойный муж изменял ей именно с этой женщиной и что она не возражает, если пенсию за него будет получать еще один ребенок.

На другой день приходит молодая дама и говорит: «Да, я знаю, что это ребенок от моего мужа. Не возражаю, если ему будет дана та же фамилия, что и мои дети носят». Удивились все наши работники такому благородству, но потребовали еще свидетелей. Появились свидетели – жильцы квартиры, в которой жил покойный. Да, подтверждают, водил он гражданку такую-то в отсутствие жены и при всех нас как-то на кухне обещал ей развестись и жениться на ней. Видели, мол, как деньги ей давал и как она ему однажды в коробке принесла подарок – было, значит, и общее имущество. Ну, когда и дворник того дома к нам явился, подтвердил, что ходил, носил и так далее, пришлось оформлять отцовство. Тут как раз и ребенок родился. Студенточка-мама была еврейкой, мальчик родился черненький, а предполагаемый папа и вся его семья – белокурые, как большинство ленинградцев. Так что внешних доказательств и не было, одни свидетельства.

Оформили мы все как полагается, а сами удивляемся взрослому благородству советских людей. Вот человек соблазнил и так трагически покинул соблазненную им женщину, а она родила сына и дала ему отцовское имя, пенсию будет получать на ребенка хорошую, а не пять рублей как мать-одиночка. И все только потому, что кругом оказались такие хорошие, честные, настоящие советские люди.

А через месяц мы узнали, что вся орава новоиспеченных родственников «соблазненной и покинутой» выехала вместе с нею в Израиль: оказывается, она накануне родов получила разрешение на выезд, вот тут-то они все и оформили! И вправду ли ребенок был у нее от покойного или нет – этого мы уж теперь никогда не узнаем. Пытались мы потом при-тянуть за лжесвидетельство и дворника, и соседей – но по-ди докажи! Так и улизнули все от ответственности, А нам об этом случае часто напоминают, чтобы мы не теряли бди-тельности.

Не успела Валентина закончить, как на нее налетела Га-лина, Диссидентская жена или просто Диссидентка, как ее успели прозвать женищины. Она вообще поглядывала на Ва-лентину косо, недоверчиво.

– Позвольте. Валентина, – воскликнула она, – а какие у вас основания подозревать, что ребенок не был сыном по-койного?

– Да я же вам говорю, что они все в Израиль укатили!

– А что в этом плохого?

– А то, что они к ребенку и к этой «соблазненной и поки-нутой» прицепились, как вагоны к паровозу!

– Значит, они хотели выехать, но просто поставить ви-зу и паспорт, купить билет на самолет и улететь они не могли?

– Если бы им дали разрешение – пожалуйста, никто не

держит!

– А вы думаете, Израиль им не дал бы разрешения на въезд?

– При чем здесь Израиль? А у нас могли не дать по соображениям государственной безопасности.

– Спасибо вам, Валентна, замечательную вы историю рассказали, хоть и насквозь антисоветскую.

Все улыбнулись такому неожиданному выводу. Но о политике говорить никому не хотелось, поэтому попросили начать рассказ Алину, чья была теперь очередь.

История пятая,

рассказанная стюардессой Алиной и представляющая собой советский вариант «Лолиты»

Для начала Алина обернулась к Диссидентке Галине и спросили:

– Вот вы, Галя, читали такой запрещенный роман писателя Набокова «Лолита»?

– Читала. Только он не запрещенный, а просто напечатан на Западе. И автор давным-давно на Западе.

– А надо бы запретить!

– Ну. Алина, от вас ли слышу? Неужели вас смущает в книгах то, чем вы занимаетесь в жизни?

– В жизни меня ничем не смутишь, это верно. А книжку эту я бы за вранье запретила, а не за секс. В этой книжке, девочки, один здоровый мудак со вкусом пишет про то, как он у девчонки мать убил, чтобы не мешала ему ею наслаждаться, и как он самой девчонке жизнь испакостил и тоже убил под конец.

– Алина, что вы такое говорите! Не убивал герой ни матери, ни дочери. Любовника Лолиты он убил из ревности, а мать и дочь погибли: одна под машину попала, а другая при родах умерла.

– Это он так пишет, а вы верите, наивные. Между строк

читать надо! Он же матери нарочно свой дневник подсунул, в котором писал, что на девчонку нацелился и для этого на старой дуре женился. А мать прочла и бросилась под машину. Я думаю, Галина, что этот тип заранее все на десять ходов просчитывал. Он ведь и утопить ее хотел, да не вышло.

– Ну, предположим. А сама Лолита? Разве она не при родах умерла?

– Да что вы такая непонятливая, Галя! Вы сколько часов рожали?

– Не считала. Часа три-четыре, наверное. А что?

– А то, что если бы вас с десяти лет толкли толстой вонючей палкой, все бы вам внутри перекорежили, так вы бы так легко не отделались. Из меня мою девку трое суток тащили, уже хотели кесарево делать. Моя б воля, я бы и этому вашему Набокову, и всем мужикам, которые на детей лезут, раскаленными щипцами все их половое устройство повырывала! А первому – тому гаду, который со мной в Лолиту эту когда-то сыграл. Ненавижу!

Лицо Алины покраснело и сделалось уродливым, слезы брызнули из глаз, смывая тушь и тени. Галя бросилась к ней, присела на ее кровать, обняла.

– Успокойтесь. Алиночка! Молоко может пропасть, не надо так переживать. И не стоит ничего рассказывать, если вам тяжело вспоминать.

– Чего уж не вспоминать... Умирать буду, вспомню и прокляну!

А история-то короткая, почти нечего и рассказывать. Этот Набоков деньгу, видно, зашибить хотел покрупней, вот и рассусолил пакости свои на целую книжку, размазал соп-ли по страницам. А вы, интеллектуёвые дурочки, вздыхаете, будто там медом намазано. Слышала я ваши разговорчики, бывала я в культурном обществе. А в жизни все это так просто бывает, что и рассказывать нечего, а только взять да повеситься от злости.

Алина высморкалась, вытерла глаза, отдышалась и принялась за рассказ.

Мать у меня тоже дура была, вроде той, Лолитиной. Отец нас бросил, и жили мы вдвоем на ее зарплату. Жили под Ленинградом, около Луги, в поселке Толмачево. Мать учительницей работала.

Я хорошенькая росла, просто ужас! По улице с мамой идем – все заглядываются, пристают. А нам нравилось. Как я теперь понимаю, у матери радости только и было, что дочка такая куколка. В школе я первые годы хорошо училась, при маме-то. Потом уж все под откос пошло, но это дальше...

Помните, девочки, как начался всеобщий кайф на фигурном катании? Все родители только и мечтали, чтобы своих детей устроить в школу фигурного катания, Черноусовых и Беложоповых из них вырастить. Моя тоже коньки мне купила и стала возить по воскресеньям в Ленинград, в воскресную школу фигурного катания. У меня здорово получалось, девочки! Если бы не эта сволочь Каюров, я, может, сейчас

бы не разносила в самолете соки с улыбочками, а сама по Европам каталась, чемпионкой бы стала.

Так про Каюра. Приходит раз на каток известный тренер Каюров, который уже много талантов на лед выпустил. Поглядел он на наше катание и выбрал меня: «Талант у этой девочки несомненный. Но заниматься надо систематически и с более опытным тренером. Данные и фактура редкостные». Фактура, мля! И мать, и тренерша уши развесили, а я тем более. А он дальше обрабатывает: «Надо вам для счастья дочери перебираться в Ленинград, и время упускать никак нельзя, каждый месяц тренировок сейчас – это годы успеха впереди». Дал он матери поахать, порасстраиваться, а потом и говорит: «Вы ищите обмен с Ленинградом, а я поговорю с женой: думаю, она согласится, чтобы Алиночка пока пожила у нас и занималась у меня в спортивной школе». «Алиночкой» я у него уже стала... Ну, мы чуть не руки целовать ему кинулись за такую доброту. Доброта, мля!

Простите, девочки, что почти что ругаюсь, не могу удержаться – не выкипело. Да и не выкипит. Вы только послушайте, что этот гад надо мной вытворял.

Жена у него, точно, была. Только приходящая, для отвода глаз. Чем он ее заставлял такую роль при себе играть, не знаю, но только женой она ему не была. Мы с матерью ни о чем не догадывались. Приехали к Каюру, встретила нас эта мадам как самых дорогих гостей: «Ах, деточка! Ах, милочка!» Угощают нас деликатесами, мама даже рюмочку согла-

силась выпить. А сама на краешке стула сидит, за мое будущее трепещет. Каюр, слово за слово, сразу к делу: «Незачем ей возвращаться, время терять. Завтра пойдет в школу, начнем тренировки. Аллочка, приготовь девочке комнату!» Жена эта его подставная, Аллочка, повела меня показывать мою будущую комнату. Не знала я тогда, что это тюрьма моя будет на целых три года. И не тюрьма даже, а камера пыток. Зашла в комнатку эту и от счастья чуть не описалась: все новенькое, мебель как игрушечная, кровать как раз для меня, а на ней большая кукла импортная сидит, меня ждет. Алла соврала, что это ей кто-то подарил, а вот теперь для меня пригодилась. Потом я узнала, что Каюр все заранее рассчитал и приготовил.

Простилась я с мамой, уехала она. Каюр и говорит Алле: «Девочка устала, уложи ее. Когда разденется, посмотришь мускулатуру и скажешь мне, все ли в порядке». А эта дрянь под него работала, по программе. Разделась я перед ней в своей новой комнате, она оглядела меня, пощупала руки-ноги и говорит: «Не знаю, деточка, выйдет ли толк. Мне кажется, у тебя мускулы на ногах затянуты. Или я ошибаюсь?..» Вроде раздумывает, стерва. А я так и замерла: неужели чемпионки из меня не выйдет? Смотрю на нее во все глаза и вот-вот зареву. Она погладила меня по голове и успокаивает: «Семен Ильич очень хороший тренер, не расстраивайся. Может, еще не все потеряно. Позвать его, чтобы сам посмотрел?» Я, дурочка, обрадовалась: «Позовите, тетя Алла!» Ох,

как у них все продумано было, как отработано!

Явился Каюр, уже в халате, ноги волосатые, кривые торчат. «Ну, что тут у вас?» Алла ему про ноги мои говорит, сомнение разыгрывает. Начал он мне ноги, попку ощупывать, по письке пару раз провел рукой, погладил. «Да, – говорит, – придется поработать. Все будет зависеть от самой Алиночки: отнесется к тренировкам серьезно, тогда все недостатки постепенно выправятся. Будешь стараться, девочка?» Я ему со слезами: «Буду, дядя Семен!» Он меня на руки взял, будто чтоб успокоить, на голые ноги к себе посадил, халатом прикрыл, к себе жмет. Успокаивает! А его Алла рядом стоит, меня по головке гладит, что-то говорит – отвлекает. Что уж у него там под халатом делалось, я тогда ничего не поняла. А как эту «Лолиту» вашу читала, так меня будто огнем обдало: он же кончал тогда со мной, это как пить дать!

Но скажите мне, девочки, откуда такие бабы берутся, как эта его Аллочка? Вот еще кому я простить не могу. Делай ты сама с мужиком что хочешь, двадцатый век, везде прогресс, но чего ж над ребенком глупым измываться по-подлому?

Дальше еще страшнее было. Вы думаете, он меня изнасиловал и все? Как бы не так! На такие вещи Каюр не шел, тут он понимал, что я бы матери пожаловалась, а та могла и засудить. Мало бы ему, подлецу, не дали. Он тоньше сделал, умнее. Он так устроил, что два года пользовался мной, а я и знать об этом не ведала! Да еще и не один, а с товарищем.

Не верите? А вы послушайте дальше. На другой день от-

правились мы с ним в спортивную школу. Там каток был с искусственным льдом. Девочки, мальчики катаются. Каюр меня сразу на лед выпустил, другим тренерам показать. Я показала что умею. Похвалили. Потом Каюр мигнул одному: «Как тебе кажется, Витя, мускулы у нее на ногах не слишком затянуты? Алла говорит, что почти безнадежно». Этот разговор у них так шел, что только я одна слышала, других тренеров поблизости не было, когда они говорили. Велели мне еще покататься, ласточку сделать. Витя поглядел и говорит: «Да, неважно. Работы с ней, я вижу, много будет». Окликнул он одну девчонку и попросил показать, что она умеет. Девчонка эта здорово каталась, крутилась, как юла, в шпагат прямо на лед садилась. «Помнишь, – говорит Витя, – тоже ведь почти безнадежная была, а теперь?» Тут Каюр ему и говорит: «Ты приходи ко мне после работы, позанимаемся с ней, с Алиной». Тот: «А как же! Девчонка талантливая, надо спасать положение».

Что, не догадываетесь еще, как они со мной поступили? Привели домой, раздеться велели, шупали, смотрели, а потом велели на стол сесть и ноги расставить. «Эге! – говорит Витя, вроде как бы более опытный тренер. – Да у нее вот где затянуто все! Надо операцию небольшую сделать, связки освободить». И начали они при мне обсуждать, класть меня в больницу на операцию или самим попробовать справиться? Говорят, что в больнице врачи-то опытные, но могут лишние связки затронуть и тогда конец всем надеждам на большой

спорт. А самим бы сделать лучше, но права нет. Тут я разре-
велась – уж вконец они меня расстроили – и прошу: «Дядя
Семен! Дядя Витя! Сделайте сами, я никому не скажу, даже
маме!» Ну они мне и сделали операцию «Чемпионка мира по
фигурному катанию»: один держит и целует, вроде бы успо-
каивает, а другой шурует там, выворачивает наизнанку. По
очереди. Кровью стол залило, на пол течет. Я реву, но терп-
лю, только за руки хватаюсь да к ним же, фашистам, жмусь,
чтоб не так больно было. Один терзает, другой целует, слю-
нявит, гладит. Сделали они свое дело не знаю по сколько раз,
я уж стала сознание терять – тогда только прекратили. Каюр
меня в ванну снес, вымыл, потом в кровать уложил. Я в сле-
зах уснула, но в надежде, что уж теперь-то у меня, у будущей
чемпионки, все в порядке!

Наутро Каюр меня в школу не повел, велел в кровати ле-
жать, «отдыхать после операции», а сам отправился на тре-
нировку. К обеду вернулся вместе с Витей – проверить, как
больная, идет ли на поправку. Догадываетесь, как они про-
веряли? Да, опять на том же столе, только уже крови столько
не было. Но больно было все так же. И всегда эта боль была,
всегда зубы мне, будущей чемпионке мира, стискивать при-
ходилось. Потом у них это «массажем затянутых связок» на-
зывалось. Прямо так на тренировках в открытую и говори-
ли: «Ты Алиночке массаж делал? Что-то она опять на шпа-
гатики плохо садится. Я сегодня зайду, сам помассирую». Но
кататься они меня тоже, конечно, учили, успехи были. Тре-

неры они были толковые.

Два года эти подлюги так вот измывались надо мной, а я терпела. Потом мы как-то раз поехали на сборы, я уже в больших соревнованиях участвовала. Так вышло, что Каюру не удалось меня взять к себе в комнату, хотя он вроде как за моего родственника у всех шел. Поселили меня в одну комнату с той самой девочкой, которую Семен нам в первый день показывал. Вспомнила я, что они про нее говорили, будто и у нее связки были затянуты и тоже нужна была операция. Я ее и спросила: «Тебе тоже операцию на связках делали, да? У меня, знаешь, все так и продолжает болеть. Только я боюсь Каюру сказать, чтобы из школы не выгнал. А у тебя как?» А девчонка эта, Катя, уже давно все поняла, ей тоже кто-то из раньше обработанных сказал. Она мне и открыла, что на самом деле с нами проделали и продолжают делать. И добавила: «Только ты никому об этом не говори, иначе Каюр с Витей нас выгонят, и не видать нам фигурного катания. Надо терпеть, Алька! Семен говорит, что потом мне это понравится самой. Я не верю ему, но терпеть все равно буду, потому что каток люблю. А как только стану чемпионкой, найду себе другого тренера, который мучить не будет. Лучше всего женщину».

Я, глупая, как только мы в Ленинград вернулись, все Каюру рассказала про разговор с Катей. И просила его больше мне этого не делать, потому что у меня всегда болит и болит. А он не испугался, что я все поняла. Наоборот, обрадовал-

ся, кобель. «Раз ты все знаешь, то теперь мы наш «массаж» можем разнообразить. Тогда и тебе не так больно будет». И разнообразил. Может, от некоторых его штучек мне больно меньше стало, да зато хотелось повеситься.

Не выдержала я, сбежала к матери. Сказать я ей боялась, просто объяснила, что больше не хочу фигурным катанием заниматься, надоело, плохо себя чувствую. Каюр приехал за мной и уговорил мать, что это только капризы. Сунул он меня плачущую в машину и увез.

Думала я, думала, как мне от него избавиться, и придумала. Стала я на всех важных выступлениях на лед падать, хромоту разыгрывать. А то при всех за живот хваталась и кричала: «Ой, как болит! Все внутри болит, как будто палкой истыкано!» Каюр трясся от злости и от страха, уговаривал меня бросить этот цирк, сулил и славу, и деньги, и все на свете. Но я свое гнула. Не выдержал он и отвез меня к матери. Да ему что, он таких девчонок тыщу мог найти, которым в чемпионки хотелось.

У матери стала я в себя приходить, только долго еще живот болел и Каюр с Витей по ночам снились. И сейчас редко-редко, но снятся рожи их перекошенные, ухмыляющиеся: «Массажик, массажик пора делать!»

Вы, Галя, говорите, что ваш Набоков не убивал мать Лолиты? А вы знаете, как Каюр с Витей мою мать убили? Да очень просто. Как-то опять они мне приснились, я заплакала во сне громко, мама ко мне прибежала. Обняла она меня,

а я прижалась к ней и спросонья все рассказала. Она меня успокоила, как могла, уложила снова и тихонько вышла из комнаты. А на следующий день соседка меня в морг отвела: лежала там моя мама мертвая, из речки Луги вытащенная.

Тут Алина, у которой голос уже давно начал дрожать, не выдержала, уткнулась в подушку, и плечи ее затряслись от рыданий. К ней под села Галя, стала ее гладить по спине, успокаивать. А Бичиха Зина качала головой и ворчала себе под нос:

– Вот ведь что городские делают, баб им мало!

Только успокоив Алину, Галя принялась рассказывать в свой черед.

История шестая,

рассказанная Диссиденткой Галиной, романтическая и немного сентиментальная, но, увы, повествующая не о современных молодых людях, а о дедушке-белогвардейце и его невесте, что придает новелле несколько ностальгическое звучание

У меня была для вас приготовлена совсем другая история, не та, которую я сейчас расскажу. Та была тоже печальная, как почти все такие истории. Но на сегодня довольно с нас печали, решила я и очень вовремя вспомнила историю о соблазненной и покинутой, которая кончилась счастливым возвращением соблазнителя. А соблазнителем был мой родной дедушка.

Диссидентство у меня, видимо, в крови. Дед мой был белогвардейцем и ушел на Запад через Крым. Там он женился на моей бабушке, дочери профессора, у них родилась мама. А после войны они решили вернуться на родину. Их, конечно, посадили, а маму отдали в специальный детдом. Потом дедушку с бабушкой выпустили и даже дали деду возможность преподавать в университете – времена переменялись. Он вернулся из лагеря здоровым, как и был. У него вообще было железное здоровье. А бабушка только вышла, только встретилась с ним, на меня, на внучку, полюбовалась – хотя

чем уж там было любоваться, не знаю — да и говорит в один прекрасный день: «Ну, вот и все. Теперь я могу спокойно умереть». И умерла. Устала она там очень, в лагерях, и жить ей уже не хотелось, не было больше сил. Дедушка поначалу очень тосковал, чуть не каждый день ездил на кладбище. Потом ушел в работу. А родственники наши, и мои родители в том числе, стали наперебой подыскивать ему невест. Человек он был очень интересный во всех отношениях: высокий красавец с совершенно белой головой и усами, но с мужественным лицом и ясным, бодрым взглядом синих глаз. И белогвардейскую офицерскую выправку из него никакие лагеря не смогли выбить. Ему уже было за шестьдесят, а на него тридцатилетние женщины заглядывались. У него даже любовница была, профессорша с их кафедры, но у них ничего не вышло. Дед говорил, что в ней много ума и силы, но женственности ни на грош. Они и расстались.

Вышел наш дед на пенсию и поехал в Киев к нашим родственникам, отдохнуть и поглядеть на места своей юности. Он оттуда родом был. Из Киева мы вдруг получаем телеграмму: «Встречайте такого-то, еду с невестой».

Приходим мы в назначенный день на Московский вокзал встречать жениха с невестой. Волнуемся: что за невесту он себе в Киеве нашел? Уж наверное, что-нибудь совсем необыкновенное, потому что обыкновенных невест у него и тут хватало.

И вот подходит киевский поезд и выходит из вагона наш

дед, а рядом с ним крохотная седая старушка. Дед подводит ее к нам и говорит:

– Знакомьтесь. Это Наденька, моя невеста с одна тысяча девятьсот девятнадцатого года.

Мы думали, дед шутит, но потом узнали – все правда. Оказывается, дедушка, тогда еще молодой офицер, полюбил совсем молоденькую Наденьку и сделал ей предложение. Была уже назначена свадьба, как вдруг вышел приказ о немедленном выступлении из Киева. Наденька была вне себя от горя, но оба верили, что гражданская война вот-вот кончится, они снова встретятся и поженятся. И вот тут мой дедушка свою Наденьку и соблазнил, так уж у них получилось. И потом, говорил он, всю жизнь чувствовал свою вину перед ней и во всех церквях за границей грех замаливал, просил у Бога, чтобы это его «преступление», как он говорил, не искалечило ей жизнь. И в Киев он поехал в основном затем, чтобы побывать на месте их любви.

А Надежда Яковлевна, Наденька, рассказывала, как после ухода и исчезновения нашего деда она никак не могла его забыть. Кое-как приспособилась к новой жизни, вышла замуж, заимела детей и внуков, но каждый год в день их расставания приходила на берег Днепра, где они прощались и где в беседке в старом парке она ему отдалась. С годами этот район застроили, но часть парка и даже беседка каким-то чудом сохранились. Надежда Яковлевна уверяет, что она и в Киеве осталась жить только для того, чтобы ходить туда каждый

год в «их с Боренькой роковой день». Это моего деда зовут Борисом Сергеевичем.

И вот представьте себе их встречу. Приезжает мой дедулька в свой Киев, весь из себя романтически настроенный, идет искать место прощания с невестой. Первое, что ему уже чудом показалось, это то, что он нашел уголок того самого парка, изменившийся, но не настолько, чтобы нельзя было узнать. Вдруг видит – беседка, та самая! Правда, чуть осевшая, ступеньки кое-где обвалились. Заходит он в беседку, а там сидит какая-то беленькая старушка, задумчиво смотрит на Днепр.

– Прошу прощения, я вам не помешаю? – спрашивает дед и собирается присесть на другую скамью, свободную. А старушка всматривается в него, поднимается со своей скамейки и спокойно так говорит:

– Вот вы и вернулись, Боренька. А я всегда в это верила!

Как тут моего крепкого дедульку инфаркт не хватил, я просто удивляюсь! Я их спросила: «Вы поцеловались, обнялись?» А дед отвечает: «Милая! В ту же секунду я узнал Наденьку, она же почти не изменилась – как мог я не схватить ее в объятия после стольких-то лет разлуки? Нам снова было семнадцать и двадцать лет, как тогда».

И знаете, должна признаться, что более влюбленной супружеской пары я до сих пор не знаю. Дед так помолодел, что снова пошел преподавать. Вот вам одна только сценка для примера.

Живут дед и Надежда Яковлевна, Наденька наша, недалеко от университета. Как-то я гостила у них с вечера и решила остаться ночевать, чтобы утром идти на занятия вместе с дедом. Академия художеств, где я училась тогда, совсем неподалеку от филфака, где дед читал свои лекции. Утром мы позавтракали и собираемся выходить. Торопимся, время уже поджидает. Дед остановился в прихожей и чего-то ждет.

– Наденька, мы уже выходим!

– Да, да! Сейчас иду.

Что-то она там в комнате замешкалась. Дед стоит и нервничает.

– Наденька, голубушка, мы опаздываем! Поторопись, пожалуйста!

– Бегу, Боренька!

Я думала, она ему либо деньги даст, либо вынесет какие-то бумаги – ну, что-то в этом роде. И вдруг вижу: семенил Наденька из комнаты, а дед навстречу ей склоняется и подставляет лоб. Она его крестит, встав на цыпочки целует в лоб и шепчет: «Храни тебя Господь». И с этим мой дед уже спокойно идет на лекции. Так у них заведено, что он из дома не выйдет, если она его не перекрестит. Оба уверяют, что они потому так долго и не могли встретиться, что забыли тогда друг друга перекрестить на прощание.

История Галиного деда помогла женщинам отойти душой от тяжелого рассказа Алины. У всех посветлели лица,

потеплели глаза. Историю, рассказанную Ольгой, слушали уже спокойно, разве что прерывали смехом.

История седьмая,

рассказанная работницей Ольгой и повествующая о хитроумной влюбленной, сумевшей обратить в свою пользу повальное мужское пьянство

А у нас в цеху была такая соблазненная и покинутая, которая всем «брошенкам» сто очков вперед дала, всех своей смекалкой обошла.

Работала у нас Люба Кузенкова, ладненькая такая деваха, из сытого пригорода, кровь с молоком. Стал за ней ухаживать столяр один из нашего же цеха, Митрохин Пашка. И улестил ее до записи с ним переспать. А как переспал, так и начал нос воротить: «Что ты, говорит, за девушка была, если под первого же, кто тебе жениться пообещал, сама легла. Какая ж из тебя жена будет? Нет тебе моего доверия как порядочной женщине, вот и весь сказ!»

А Пашка этот Митрохин выпить был не дурак, каждую получку надирался прямо на заводе. Ну, ладно. Прошло сколько-то там времени, как он ей от ворот поворот дал, подошла получка. Пашка, как водится, с друзьями в раздевалке окупался, выпивает. А Люба рядом ошивается чего-то, приглядывает за ними. Как они дошли до кондиции, Люба тут как тут с пол-литрой: «Выпьем, что ли, еще, ребятки?» Тем только дай. Выпили – Люба вторую бутылку из сумки вымает:

«А еще по махонькой?» Не отказались. Тут Пашка с копыт, а Люба его к проходной, там такси вызывает и к себе везет. Привезла, раздела-разобула, спать с собой положила.

Утром Пашка просыпается: «А чего это я опять у тебя, Любка? Между нами ж все окончательно кончено». Та ему в ответ ласково так: «Не знаю, Пашенька, чего ты со мной увязался. Видать, соскучал». А сама ему рассольчику, стопочку на опохмелку, а сверху – котлетку горяченькую. Он вроде отошел с похмела. Тогда она его под ручку и на завод. И как бы ничего и не было: не подходит, не глядит, будто и не знает такого Пашку Митрохина. А сама ждет следующей получки. И опять та же история у них повторилась. Так и пошло: каждый раз в получку Пашка пьет сколь влезет, баба его к себе везет, утром опохмеляет, на работу доставляет. Так пару месяцев у них шло, а один раз вдруг нет Любы. Пашка пьет, а сам по сторонам зыркает: где, мол? А Люба дома у себя сидит при тех же условиях: рассольчик заготовлен, водочка тож, котлетки загодя изжарены. Явился голубчик. Люба ничего, все обычным порядком повела: спать с собой положила, утречком в вид привела, на работу доставила. А как следующая получка подошла и Пашенька ее желанный сам к ней по рефлексу пришел, она ему утром не рассольчику-водочки, а ультиматум выставляет: «Вот решай, друг Пашенька, либо мы сейчас идем в загс заявления отдавать, а после возвращаемся и это дело по всей положенности отмечаем. У меня вот и коньячок в холодильнике стоит, и на заводе я

отгулы на нас обоих у мастера взяла. Либо иди ищи сам, где тебе опохмелиться».

Пашка прикинул, что подать заявления – это одно, а расписываться – это еще баба надвое сказала. «Согласен я!» – говорит. Люба тут же такси, за час они обернулись – и к столу. Расписываться им назначили через двадцать дней. Как день этот подошел, Пашка вспомнил и Любу сторонкой обходит. А она будто так и надо. Никакой ему реакции не выдает. Пашка успокоился, сама, думает, забыла либо от мысли такой отошла. А как снова получка да пьянка подошли, Люба на своем месте с пол-литрой: «Добавим, Пашенька?» Увезла его опосля домой, как повелось, а утром тем же манером: «В загс пошли, снова заявления подавать будем, раз прошлый раз не вышло расписаться». Пашка уже знает, что дело это неопасное, соглашается. Привезла она его, чуть тепленького, в загс. Тот, в полной потере бдительности, вполуха слушает, о чем Люба с загсовской бабой шепчутся. Берут у них паспорта, то да се, а потом шлепают в них печати и возвращают: «Поздравляем с законным браком, товарищи!» У Пашки как-то и это мимо ума проскочило, ему бы поскорей до коньячка в Любином холодильнике добраться...

Как это вышло у Любы, что их расписали? А очень просто. Она в тот раз, как Пашка увернуться хотел по трезвому делу от записи, в обеденный перерыв в загс слетала и доложила там, что жених заболел и просит перенести запись дней на десять, как раз на получку следующую. А тем что? Они

перенесли. Вот так наша Люба своего Пашку Митрохина за-получила и сама теперь Любой Митрохиной стала. И уж как сложилось у них, так и идет: два раза в каждом месяцу Пашка пьет, а Люба его опохмеляет, но в другие дни решительно не дает. «Ты мне, говорит, не рушь мой порядок! Я за него половину нервной системы положила!» Ничего, сладились. Живут.

Посмеялись женищины над историей хитроумной Любы и незадачливого Паши и приготовились слушать учительницу Нелю.

История восьмая,

рассказанная учительницей музыки Нелей и представляющая собой развитие темы, начатой Алиной в ее новелле о мерзавце-тренере, из чего можно заключить, что учителя, пользующиеся своей властью над ученицами в сексуальных интересах, встречаются чаще, чем нам того хотелось бы

Знаете, а у меня история Алины из головы не выходит. И не рада я, что у меня девочка родилась. Как ее уберечь от опасности, ума не приложу. И какая это несправедливость, что девочку растить все равно что через джунгли с ней идти, ни на секунду нельзя из рук выпустить – разорвут! Говорят о каком-то равноправии мужчин и женщин. Какое равноправие?! Человек ты или приманка для хищника, не поймешь. Вы меня уж простите, но мне одна история вспомнилась, похожая на то, что Алина рассказывала. Тоже крошечный ужас. Ну, уж расскажу вам, все равно из ума нейдет.

Директор нашего музыкального училища метил перевестись преподавать в консерваторию. Долго добивался. Наконец у него реальная надежда появилась, обещали ему с нового учебного года ставку. А тут выясняется, что одна из соблазненных им студенток – он мастер был на эти дела – забеременела. А он женат. И что, как вы думаете, учинил этот тип, чтобы скандала избежать? Пригласил он свою студент-

ку провести с ним отпуск на Черном море, перед тем будто бы, как подать на развод. А у него был друг надежный, врач-гинеколог. И вот они перед отпуском проводят вечер у него с этой девушкой. Соблазнитель и хозяин дома подсыпают ей в вино снотворного, потом ей сверх этого делают обезболивающий укол, и в таком виде гинеколог делает ей аборт. А утром наш директор будит ее и сонную везет в аэропорт, садится вместе с ней на самолет и едет с ней отдыхать. Она чувствует, что что-то у нее не так, на третьем месяце какие-то выделения, боль, но приписывает это дороге, минувшим волнениям. Отдыхают они «дикарями» – прямо на берегу, где-то возле Коктебеля, ставят палатку, питаются в ресторанах и так далее. Возвращаются из отпуска, и тут он ей заявляет: «Между нами ничего нет, не было и быть не может. До свидания, спасибо за прекрасно проведенное время. А если вы, милочка, вздумаете на меня клеветать, то можете с училищем распроститься».

Девчонка в слезах бросилась к своей преподавательнице, все ей рассказала, а та прямиком отправилась с этим делом в партбюро.

Вызвали обоих на ковер, спрашивают директора:

– Ездили вы только что с этой студенткой в Крым, как она утверждает?

– Конечно, нет! Я был в санатории в Цхалтубо. Вот моя путевка.

И кладет заполненную и закрытую путевку – запасся за-

ранее. А как девочка может доказать, что где-то на пустом берегу в самом деле их палатка стояла? Тогда велят ей принести из консультации справку о беременности. Она к врачу, а тот ей объявляет: «Никакой беременности у вас нет!» Бедная девочка чуть умом не тронулась. Исключили ее из училища за клевету. Поехала она домой в Вологду, оклеветанная да опозоренная, и отравилась. Спасти не удалось.

Прошло несколько лет. И вдруг тот самый гинеколог еще раз за такое же поганое дело взялся и погорел. Во время следствия он признался, что уже не раз делал такие аборт за большие деньги, и назвал всех своих клиентов. Между прочим, публика все такая чиновная, что наш директор между ними был как карась среди щук. Припомнили ему на суде и доведение до самоубийства. Дали три года, но почему-то уже через год кто-то из наших преподавателей встретил его в Омске. Между прочим, опять в музыкальном училище, хотя и рядовым педагогом. Словом, вновь пустили козла в огород. А тех, кто покрупнее, и вовсе к суду не привлекали. Пожурили, видно, в партийных верхах и решили, что этого достаточно.

Да, страшно рожать девочек и пускать их в эту жизнь. Но ведь и мальчика, из которого потом может вырасти такое чудище, тоже невесело иметь? Ведь у этого нашего директора и у того гинеколога, у них ведь тоже были матери? Что же их так вызверило?

– Да-а! – задумчиво протянула Ольга. – Страшное дело, когда мужик только и есть что подставка для своего члена!

А Бичиха Зина спросила, ни к кому, собственно, не обращаясь:

– А вот, девки, интересно бы знать, есть ли на свете баба, которую бы никто и никогда насильничать не пытался? Я так думаю, разве страхолюда какая... Дак ведь и ее в темноте использовать можно!

Все на минуту замолчали. Никто в палате не заявил, что есть, мол, такая женищина. А Зина продолжала:

– Так давайте, бабоньки-страдалицы, по-новому-то кругу и расскажем, как кого насиловали, а?

Но ей возразила Алина:

– Хватит с меня этого мрака! Давайте что-нибудь повеселее на новый круг. Давайте расскажем про то, кто в каком смешном положении с мужиком этими делами занимался. Что, осилите, скромницы?

Посмеявшись, решили рискнуть и темой следующего вечера назначить именно эту. Но еще оставались две истории о соблазненных и покинутых, и поэтому все обернулись к Эмме и приготовились слушать очередную театральную историю.

История девятая,

рассказанная режиссером Эммой, в которой в роли соблазненного и покинутого вновь, как и в первый раз, оказывается мужчина, и так ему, по мнению женщин, и надо!

По совести говоря, мне вы могли бы засчитать по этой теме и мой первый рассказ о влюбленном в меня художнике. Хотя бы для равновесия – соблазненный и покинутый мужчина. Но у меня оказалась в запасе еще одна подобная история. Правда, случившаяся уже не со мной, но с человеком, которого я хорошо знала.

Этот парень был талантливым журналистом и большим любителем театра. Для журнала «Театр» он в основном и писал. И вот его угораздило влюбиться в женщину с тремя детьми, один другого меньше. Это тоже была первая любовь, как и у моего бедного Алеши. И женщина тоже была старше него, а уж опытнее несомненно. Муж ее оставил с тремя ребятами или она от него сама ушла, этого я не знаю. Эта женщина, Лена, крепко взялась за нашего героя и соблазнила его довольно скоро. В один прекрасный день наш Юра оказался отцом трех прелестных детишек, а еще через полгода – истцом по делу о взыскании алиментов с гражданки Волковой, бросившей его с тремя детьми и исчезнувшей в неизвестном направлении. А поскольку гражданку Волкову уго-

ловный розыск так и не нашел, наш отец-одиночка получает пособие от государства и растит свою троицу весьма прилежно и ответственно. Только иногда жалуется, если вдруг позволит себе немного выпить: «Покажите мне ту несчастную девушку, которую соблазнили, сделали ей за полгода троих детей и бросили! Я на ней немедленно женюсь. А пока я несчастней и покинутей всех соблазненных девушек в мире, и попытайтесь мне доказать, что это не так!»

Над историей бедного папаши с полчасика хохотали.

Последнюю, десятую историю о соблазненной и покинутой рассказывала в этот вечер общая любимица Иришка.

История десятая,

рассказанная толстушкой Иришкой, в которой в роли соблазненного и покинутого опять едва не оказался мужчина – к общему удовольствию всех дам

– Я тоже знаю смешную историю про соблазненную и покинутую! – сказала Иришка, которую очень развеселила история Эммы. – Она с моей старшей сестрой произошла, Татьяна. Таня геолог. И вот как-то она проработала все лето в одной партии с парнем из Ленинграда, а осенью вернулась беременная от него. Сначала все было спокойно. Таня, по-моему, даже не раздумывала, женится он на ней или нет, а больше думала о ребенке. С врачами советовалась, книги нужные выискивала, знаменитого доктора Спока раздобыла за сто рублей на черном рынке. Словом, готовилась в мамы со всей ответственностью. А слевой своим продолжала встречаться как ни в чем не бывало.

Как-то приходит он к ней и начинает тягучий разговор о том, что вот надо бы сделать аборт, потому что ему хорошо бы сначала закончить аспирантуру, а уже потом обзаводиться детьми. Разговор этот происходил в нашей квартире, когда еще мы обе с родителями жили. Я в соседней комнате сидела, делала уроки и все слышала: у нас там между двумя смежными комнатками не было двери, только занавеска ви-

села. Выслушала его Таня и говорит:

– Понимаю, Лева, тебе сейчас не нужны жена и ребенок. Но я вот тут за двоих нас подумала и решила, что нам, пожалуй, такой папа тоже не нужен. Так что решили мы без тебя обойтись.

– Как так? Но я же отец будущего ребенка, как это ты без меня можешь такие вопросы решать?

– А чем ты, Левушка, докажешь, что ты его отец? Тем, что тебе карьера дороже жизни ребенка, который уже есть, и дороже здоровья его матери? Нет, давай-ка ты, голубчик, действительно ступай в свою аспирантуру, а заодно иди к чертовой матери. Мы без тебя обойдемся.

Так и выгнала. Уж этот Лева несчастный потом весь телефон нам оборвал, под окнами целыми днями околачивался. Но Татьяна марку держала: «Не звони, не ходи, не тревожь – мне вредно волноваться. Такой папа нам не нужен!» А сама, конечно, по ночам ревела, я слышала. И вот однажды Лева приходит к нам, буквально врывается в комнату к Тане, грохает кулаком по столу и кричит:

– А какое ты имеешь право надо мной издеваться? Ты зачем треплешь нервы отцу всех своих будущих детей, а? Одевайся, поехали жениться!

Ну и поехали. Женились. Но Танька до сих пор, чуть что, спекулирует: «Не забывай, что это мы с Гулькой тебя в семью приняли, а то жил бы ты один-одинешенек!» Гулька – это их дочь, моя племянница.

На этом кончился второй день дамского Декамерона, иссякли истории о соблазненных и покинутых. На завтра было решено рассказывать о том, как кто занимался любовью в смешном положении.

Сестры привезли детей, и наши рассказчицы принялись их кормить, забыв обо всем на свете.

День третий, глава третья,

в которой рассказывается о том, кто как и в каком смешном положении занимался любовью

И вот пошел третий день нашего Декамерона. Первой начала рассказывать Лариса.

История первая,

рассказанная доктором биологии Ларисой, которая, как и в прошлый раз, отделалась просто анекдотом на заданную тему, что, похоже, стало для нее правилом

Я вам расскажу анекдот военных лет. Я его в детстве от наших летунов слышала и запомнила, а поняла уже, конечно, гораздо позднее.

В одном партизанском отряде кончились припасы. Тут один мужик и вызвался сходить к жене в деревню за продуктами. А дело зимой было. Встал он на лыжи и отправился в путь-дорогу. На другой день возвращается с мешком. Садится к костру, достает кусок сала.

– Вот, ребята, подошел я ночью к родной хате, стукнул в окошко. Жена на крыльцо выходит. Кто угадает, что я перво-наперво сделал, тот шмат сала на краюхе хлеба получит.

Партизаны гадают:

– Обнял и поцеловал?

– Нет.

– Спросил, как дети?

– Нет.

– Есть попросил сразу же?

– Нет.

Тут один мужик и говорит:

– Трахнул, поди, прямо на крыльце!

– Правильно, угадал. Получай шмат сала. А кто угадает, что я потом сделал, тот пару соленых огурцов получит!

Опять гадают, что он там сделал.

– Ну, теперь-то о детях спросил?

– Нет.

– В хату прошел?

– Нет.

– Местность оглядел, нет ли чего опасного?

– Нет.

Тут снова тот мужик басит:

– Да опять трахнул!

– Правильно. Получай и пару соленых огурчиков. А кто угадает, что я после сделал, тот получит бутылку самогона!

Партизаны хором:

– Опять трахнул!

– Нет, не угадали. Лыжи снял.

Очередь была за Бичихой Зиной, но она так хохотала над анекдотом, что попросила дать ей отсмеяться: «Я уж буду крайняя рассказывать, девоньки! Ой, не могу – лыжи снял!...»

Пришлось рассказывать Наташе, но она не возражала, потому что ее история как раз подошла к анекдоту.

История вторая,

рассказанная инженером Наташей, свидетельствующая, что в мирное время партизанские способы любви могут быть применены и усовершенствованы

Мой муж начал увлекаться фотографией. Это, скажу я вам, для жены совсем даже не радость. Мало того, что по ночам в ванную не пройти, а все окна сохнувшими фотографиями заляпаны, что от бутылок с реактивами вонь по всей кухне, так еще и натурщицей ему служи!

Несколько лет назад увлекся он обнаженной натурой и снимал меня голенькую во всяких романтических позах: то как русалку на берегу реки, то как ящерицу на камне. Фантазировал, словом. И часто возил меня для таких съемок в лес. Однажды он готовил этюд «Весна». Приехали мы ранней весной в лес, еще снег кое-где держался, только-только пригрело как следует. Выбрал он подходящее место в березняке и ищет, куда бы меня между березок поставить. А я стою голая и дрожу. Говорит он мне:

– Вон там подходящая кочечка под березкой, встань на нее!

Я подошла, поглядела.

– Витя! Это не кочка, а муравейник.

– Да ты не бойся, муравьи еще спят!

Встала я на муравейник. Муравьев сначала не видно было, но под моими ногами они ожили и поползли, причем поползли сразу вверх.

– Витя! Они на меня лезут!

– Потерпи минутку – у меня такой кадр получается! Еще пара дублей и все!

Я стою, приплясываю, а он ругается:

– Ты что, не можешь спокойно постоять ради искусства?

Я взвыла и бросилась с этой «кочечки», потому что они, муравьи, уже до таких мест добрались, что и называть неприлично в ином, не в нашем с вами обществе!

Витя неделю со мной не разговаривал.

А как-то задумал он сделать фотоэтюд «Зима» и снова с обнаженной натурой. Взял в рюкзак бутылку водки, чтобы меня после съемки растереть, и теплое одеяло – закутать. Заботливый он у меня... Поехали мы с лыжами в лес. Нашел муж подходящее место среди огромных сугробов и белых деревьев, велел мне раздеться и встать среди них на лыжах. Я так и сделала. Он снимает, щелкает затвором и рычит от удовольствия: «Гениально!»

Отщелкал он половину пленки, а я ему кричу со своего места: «Баста! Замерзаю, как ямщик в степи!» Тут Витя ко мне подбегает на лыжах, вынимает из рюкзака водку, накидывает на меня одеяло и растирает, а сам приговаривает: «Умница, красавица моя. Это будет потрясающая работа!» Обогрелась я слегка, первый озноб прошел.

– Давай сюда мою одежду поскорей!

– Нет, погоди одеваться.

– Что-о? Опять снимать будешь?

– Снимать я с тебя уже ничего не буду, ты и так голенькая.

Тут он и повторил партизанский подвиг, не снимая лыж...

А этюд «Зима» занял первое место на районной выставке фотографов-любителей. Теперь он висит у нас в гостиной на стене: заснеженный лес, сугробы, а среди них легкий контур белого женского тела. Мы иногда с Витей на эту фотографию взглянем и рассмеемся, вспомнив свой «этюд на лыжах». Теперь приду домой, сразу же расскажу ему Ларисин анекдот!

Подошла очередь рассказывать Валентине, Номенклатурище. Она сидела в кровати, теребила свою длинную косу, которую стала носить в роддоме вместо «номенклатурной башины» на макушке, и явно стеснялась начать.

История третья,

рассказанная Номенклатурицей Валентиной и раскрывающая загадку падения Хрущева

Вот вы, девоньки, а особенно вы, Галина, все на меня косятся, будто я не нормальная женщина, а Коммунистический манифест в юбке. А ведь мне это обидно, честное слово. Вы не думайте, что мы, работники номенклатуры, не замечаем, как изменилось к нам отношение в народе. Едешь в трамвае и слышишь: «Чего пихаешься, коммунист, что ли?» Или в магазине: «Становитесь в очередь, здесь коммунистов вперед не пропускают, на фронте надо было вперед лезть!» А среди нас есть хорошие люди, как и везде, и пошутить мы тоже умеем.

Я вот вам сейчас расскажу историю о том, как я имела интимную связь с Никитой Сергеевичем Хрущевым во время его падения. Вот вам и «Да ну»! Только вы, пожалуйста, если будете кому пересказывать, ни имени моего, ни должности не называйте. Договорились? Ну, слушайте.

У нас с мужем часто бывают командировки в область для контроля работы на местах. Мы стараемся с ним так подгадать, чтобы ездить вместе: и морально так спокойней, и денег меньше уходит. И вот посылают нас как-то в один районный центр. Приезжаем, а там какой-то спортивный празд-

ник проводится, все места в гостинице заняты и общежития в городе забиты. Пригласил нас к себе председатель райсовета. Живем у него неделю в проходной комнате, и нет у нас никаких условий для выполнения супружеского долга. Я-то еще ничего, терплю, а Павел Петрович мой на стенку лезет. Ну, думаю, надо искать выход из положения. А жена председателя райисполкома заведовала местным клубом. Я у нее и попросила: «Нет ли у тебя, Маша, в клубе какой-нибудь тихой комнатки, где бы нам с мужем часок провести?» Маша мне дала ключи от клуба, рассказала, где там комната с диваном. Отправились мы с Павлом Петровичем. Вошли в клуб, я ищу комнату, где диван должен быть, а ему уже вовсе невозможно. Открыла я дверь, да не ту: дивана нет, а стоят у стен какие-то рамы, плакаты, портреты: видно, мастерская художника у них там была. А муж мой бросил на пол свой плащ, меня на него и пошел работать. Старается он, душу отводит, ну и мне неплохо... И вдруг – трах! – какой-то щит падает прямо сверху на моего мужа. Он на секунду замер, оглянулся, ногой дрыгнул, чтобы щит этот со спины сбросить, а тот с него не слазит, вместе с ним надо мной вверх-вниз качается. «Черт с ним, пусть пользуется!» – рывкнул мой мужик и довел дело до конца под щитом, как черепаха. Только тогда он сбросил его, встал на ноги, привел себя в порядок, а потом взялся за щит, чтобы на место поставить, да как расхохочется: «Смотри, Валентина, с кем ты сегодня любовью занималась!» Я глянула, а это портрет нашего тогдаш-

него Генерального секретаря Никиты Сергеевича Хрущева. Погодите смеяться, женщины. На следующий день с утра по радио вдруг начинает сплошная музыка играть – ну, ровно как помер кто-то, или государственный переворот случился. Муж мой шепотком и пошучивает: «Валентина! А если это генсек скончался после того, как с тобой дело поимел, а? Ты ведь у нас баба горячая, а он уже в преклонных летах...» Погоняли по радио музыку, потюпали граждан да и объявили о снятии Хрущева. Представляете, каково нам было серьезность сохранить при этом известии?

Валентина закончила свой рассказ при общем хохоте.

– Ну и террористка у нас объявилась! – смеялась Диссидентка Галина, заметно потеплевшая к Номенклатурице Валентине.

Валентина от смущения была краснее советского флага, но смех женщин ее явно обрадовал.

Тут начала рассказ Алина.

История четвертая,

рассказанная стюардессой Алиной, повествующая о том, как с помощью Алины американский разведчик трех гэбистов одним разом поймел

Одно время, девушки, я подрабатывала в гостинице «Европейская». Каким местом, ты спрашиваешь, Зина? А всеми местами. Я ведь с иностранцами работала. Было нас девушек десять, каждая имела телефон, и когда требовалось, нас вызывали прямо к назначенному часу. И, как вы сами понимаете, за всем этим приглядывал КГБ. Мы им здорово помогали, гэбистам: отвлекали клиентов, если надо было обшарить их номер или пленку в магнитофоне сменить, заставляли их разговаривать, ну и все такое прочее. Что? Зарплата? Нет, зарплата от КГБ нам не шла, все оплачивал клиент-иностранец. С этими чуваками не поспоришь: чуть что не так – пошла на улицу! А на улице своих проституток хватает, да я, например, и брезговала с нашей публикой дело иметь: пьяницы, грубияны, нищие командировочные. То ли дело чистенький иностранец в «люксовом» номере, с рестораном и подарками, с европейскими манерами! Но все мы, конечно, были у КГБ на учете и дали расписку исполнять все их требования. И исполняли, само собой.

Однажды вызывает меня наш портье и чего-то я гляжу, а

лица на нем нет. «Тебе, — шепчет, — Алиночка, будет важное задание. Иди в тринадцатый номер, там тебя проинструктируют». А в тринадцатом номере у гэбистов штаб был: там дежурили они, там и аппаратуру держали. Захожу. Сидит важный дядька, никогда до этого его в гостинице не видела, а с ним три здоровых молодых гэбиста. Дядька на меня сощурился: «Эта?» А я ему в ответ глазки потупила, легкое смущение изобразила. Я ведь знаю, на что такие дядечки клюют. Он хмыкнул: «Ничего, как будто годится. А все же капитан Лебедева нам подошла бы больше... Надо ее группу увеличить, чтобы не было таких прорывов, чтобы не посылать впредь кого попало на ответственные участки. Ну, проинструктируйте девушку при мне». Объяснили мне задание: прибыл важный американец, остановился на одни сутки. Надо проверить его багаж, а он не выходит из номера больше чем на полчаса. Так вот я должна подсесть к нему во время ужина и задержать его в ресторане как можно дольше. А эти трое тем временем обшарят номер. Тут же мне показали фотографию клиента, велели запомнить и топать в ресторан. Он уже скоро должен появиться к ужину. Я кивнула, еще раз дядечке на всякий случай улыбнулась и поплыла в ресторан.

В ресторане ко мне сразу подошел наш старший, провел к свободному столику, усадил и начал по-французски предлагать «легкий необременительный ужин, сохраняющий фигуру», а сам кивает мне на соседний столик, пока пустой: туда, мол, он клиента подсадит. Ужин, зараза, принес только для

фасона: сыр, маслины и бокал вина. Больше помады с губ съешь, чем наешься. Ну, сижу я, потягиваю свое вино, жду. Через полчаса появляется клиент. Красивый такой мужик, и видно, что тертый-перетертый. Быстренько соображаю, что перед ним корчить советскую светскую даму бесполезняк, сразу смекнет, что дама подсадная. Решила брать его по-наглому: уставилась на него, а когда он поднял на меня глаза, я ему из-за бокала подмигнула со всей откровенностью. Он усмехнулся и поманил меня пальцем. Встала я, подошла с понтом к его столику, наклонилась: «Месье скучает?» И тут случилось вовсе для меня неожиданное. Не говоря ни слова, он кидает на стол десятирублевку, встает, хватая меня под руку и ведет вон из ресторана. Я глазом кошу на старшего – тот блее известки, рожу мне корчит: «Задержи!» А как его задержишь, когда он деловой такой попался, без разговоров тащит прямо в номер и все тут. Выходя из зала, я заметила, что старший кинулся в угол к телефону – предупредить тех, кто в номере копошился. Успел, видно: вошли мы, а там никого. Клиент мой хватает меня в охапку и швыряет на кровать, а сам начинает с себя одежду сбрасывать. А я шмякнулась на постель и чуть не вскрикнула: угодила попкой на какой-то твердый бугор. Пошупала я его незаметно и поняла, что это не иначе как чья-то голова. Гэбист под кровать забрался. Тут мой клиент подоспел, начали мы с ним любовью заниматься, а я попкой чувствую, что под кроватью не одна голова, а целых три: то в одном месте бугор выскочит, то в

другом. Тесно им там, никак не поместятся, головы некуда деть. Уж не знаю, каково им там было, пока мы с клиентом на кровати плясали. Потом встал он и пошел в ванную. Тут я дверь в коридор открыла и шепчу этим, что под кроватью застряли: «Выметайтесь, пока он душ принимает!» Выскакивают из-под кровати трое гавриков, один другого злее, шипят: «Ну, погоди, сука! Сидеть тебе за измену родине!» И за дверь...

Ну, никакой «измены» мне, конечно, не пришили – самим стыдно было бы. А в «Европейской» моя работа кончилась. Да я особенно не жалела, потому что недели через две-три оттуда всех наших девушек на сто первый километр отправили. Я так думаю, что их спецбригада гэбисток теперь сменила, чтобы не было больше таких лаж, как со мной у них получилась.

Видела я еще раньше эту самую капитаншу Лебедеву. Ничего, ладненькая, и мордашка, и все при ней. Зазря капитана бы не дали. Ну, к ней у меня зависти нет, одним ремеслом живем, хотя она по званию, а я по призванию. А вот что мы с американцем этим – уже не знаю, шпион он или кто – трех гэбистских мужиков трахнули – это мне до сих пор здорово в кайф! Эту публику я, да и все мы, девушки, терпеть не можем. Вечно они норовят попользоваться на дармовщинку, а чуть что – нос дерут, будто мы хуже их. Мы у клиентов бумаги тащим, разговоры заученные с ними ведем, водим их куда надо, а нам за это одна награда – из гостиниц не гонят. Им же

и звездочки, и зарплата, и уважение. Вон сколько фильмов про чекистов показывают. А хоть один был про то, сколько нас, девушек при гостиницах, на каждого такого чекиста работает? Вот я и радовалась, что хоть раз справедливость вышла – здорово трахнули мы их с этим Джоном!

История Алины вызвала много вопросов у женщин: что за аппаратура стоит в номерах для иностранцев, не догадываются ли они, что находятся под надзором КГБ, и т. д. Алина действительно оказалась во всех этих вопросах осведомленной, ее слушали с большим вниманием, особенно Галина. А потом и сама Галина рассказала свою историю.

История пятая,

рассказанная Диссиденткой Галиной, содержащая один из многих способов передачи информации из лагеря на волю – далеко не единственный, иначе Галина с автором его бы не обнаруживали

Это случилось в наше третье свидание со Славой, уже после того, как мы поженились в лагере. Приехала я к нему на три дня, как обычно, привезла продукты и приветы от друзей. Провели меня в комнату свиданий. От радости я сама не своя: пытаюсь навести хоть подобие уюта в этой каморке, цветы в баночку поставила, раскладываю фрукты на столе, а сама все на дверь поглядываю и прислушиваюсь к шагам в коридоре. Но вот привели и мужа моего. Ну, что такое первые минуты лагерного свидания, этого я вам при всем желании передать не могу, потому что и сама никогда потом вспомнить толком не могла – тут ведь полная потеря сознания от радости и жалости.

Потом, когда немного мы со Славиком успокоились, в себя пришли, и уже я его покормить успела, замечаю я вдруг, что чем-то мой Слава озабочен и расстроен.

– Что случилось, милый?

– Да, понимаешь, не удалось мне пронести писульку с информацией на волю, уж больно злобный пес сегодня дежу-

рит.

– А на память ты разве не знаешь?

– Я-то знаю, да ты не успеешь за три дня выучить, уж очень много накопилось, давно свиданий не было.

– А записать с твоих слов разве нельзя?

– Как ты тут запишешь! Мы же знаем, что комнаты свиданий просматриваются. А писать надо страницы четыре мелким почерком.

– Ну, так давай придумаем что-нибудь.

Думали мы, думали и придумали. Такое изобрели, что когда я со свидания уезжала, лагерная охрана мне чуть ли не честь отдавала, все надзиратели сбежались на меня посмотреть, а я не знала, куда от такой чести деваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.